

ДЖЕЙН ОСТЕН

Гордость и Предубеждение

КЛАССИКА
НО
ПЯТЕРОЧКУ!

Джейн Остин
Гордость и предубеждение

«ЭКСМО»

1813

Остин Д.

Гордость и предубеждение / Д. Остин — «Эксмо», 1813

ISBN 978-5-699-52151-7

В начале XIX века английская писательница Джейн Остен (1775–1817) писала свои романы с изяществом, глубиной и мудростью, которые избавили жанр романа от клейма «несерьезности» и научили многие поколения читателей и писателей тому, что книге, чтобы быть глубокой, не требуется напыщенная монументальность. Иронизируя, Джейн Остен превращала повседневность в книги. На протяжении уже двух столетий с ней – автором и персонажем истории мировой литературы – сверяют себя и читатели, и писатели. "Гордость и предубеждение", шедевр английской литературы, был написан Джейн Остен в 1796–1797 годах и до сих пор не утратил своей популярности. Настолько, что в 2003 году занял вторую строчку в списке "200 лучших книг по версии Би-би-си". В своем "первозданном" виде роман "Гордость и предубеждение" не менее актуален. В семь Беннет пять дочерей и практически никаких перспектив на их удачное замужество... С толком и расстановкой, с тонким юмором и психологизмом Джейн Остен рисует картину того, что у каждой девушки есть шанс встретить своего "мистера Дарси".

ISBN 978-5-699-52151-7

© Остин Д., 1813

© Эксмо, 1813

Содержание

Том первый	5
Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	16
Глава VII	20
Глава VIII	24
Глава IX	28
Глава X	31
Глава XI	35
Глава XII	38
Глава XIII	39
Глава XIV	42
Глава XV	44
Глава XVI	47
Глава XVII	52
Глава XVIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джейн Остен

Гордость и предубеждение

Том первый

Глава I

Холостяку, располагающему приличным состоянием, надлежит иметь нужду в обзаведении женой – все на свете признают сие за истину.

Сколь бы мало ни были известны чувства или же суждения подобного холостяка при первом его появлении в окрестностях, истина сия столь прочно пускает корни в умах соседствующих семейств, что семейства оные чают помянутого холостяка законною собственностью своих дочерей.

– Дорогуша господин Беннет, – в один прекрасный день молвила его супруга, – слыхали ль вы, что Незерфилд-парк наконец-то сдан?

Г-н Беннет отвечал, что о сем не слышал.

– Однако же он сдан, – сообщила она. – Только что у нас побывала госпожа Лонг – она-то мне обо всем и рассказала.

Г-н Беннет не почтил сие откликом.

– Ужель не хотите вы узнать, кто его снял? – в нетерпении вскричала его жена.

– Это вы хотите мне о том поведать, и я не возражаю выслушать вас.

Сего побуждения ей вполне достало.

– Так вот, дорогуша, да будет вам известно, что госпожа Лонг сказала, будто Незерфилд снят весьма состоятельным молодым человеком с севера Англии; будто он прибыл в понедельник в запряженной четверкою карете и был столь очарован, что договорился с господином Моррисом тотчас же; будто он вступит в права пред Михайловым днем¹, а иные слуги придут в дом к концу будущей недели.

– Как зовут его?

– Бингли.

– Женат, холост?

– Ах! холост, дорогуша, еще как холост! Холостяк, да к тому ж богач – четыре или же пять тысяч в год. Какой дивный подарок нашим девочкам!

– Это как же так? при чем тут они?

– Дорогуша мой господин Беннет, – отвечала его жена, – отчего же вы так занудливы? Я помышляю о том, чтобы он женился на ком-нибудь из них, чего вы не можете не понимать.

– И он поселился здесь с подобным замыслом?

– Замыслом! какая ерунда, что вы такое говорите! Но крайне вероятно, что он *может* в одну из них влюбиться, а потому, едва прибудет, вам надлежит его навестить.

– Не вижу повода. Вы с девочками можете отправляться или же пошлите их одних. Сие, пожалуй, будет и к лучшему – вы, любезная моя, соперничаете с ними красотой и из всей делегации можете приглянуться господину Бингли более всех.

¹ Михайлов день – 29 сентября, открывающий один из кварталов года; в этот день, в частности, вносилась квартальная арендная плата.

– Дорогуша, вы мне льстите. Я, разумеется, красотой обделена *не была*, однако теперь вовсе не притязая на незаурядность. Даме с пятью взрослыми дочерьми надлежит оставить помыслы о собственной красоте.

– В подобных случаях дама зачастую красоты лишена, а стало быть, и помышлять не о чем.

– Однако, дорогуша, когда господин Бингли приедет, вам следует его повидать.

– Уверяю вас, сие выходит за пределы моего долженствованья.

– Но подумайте о дочерях. Только подумайте, сколь замечательна станет для одной из них такая партия. Сэр Уильям и леди Лукас намереваются посетить господина Бингли исключительно из подобных соображений – они, знаете ли, не имеют обыкновенья навещать приезжих. Вам безусловно следует отправиться, ибо, коли вы откажетесь, его не сможем навестить *мы*.

– Вы чрезмерно щепетильны. Полагаю, господин Бингли будет вам рад; я пошлю ему пару строк, заверю в искреннем своем согласьи на брак, какое бы чадое мое он ни выбрал; впрочем, надо бы замолвить словечко за мою крошку Лиззи.

– Нет уж, извольте ничего подобного не делать. Лиззи ни капли не лучше прочих; и уж точно и вполонину не так красива, как Джейн, и вполонину не так жизнерадостна, как Лидия. И однако же вы всегда оказываете предпочтение *ей*.

– Хвалить их особых резонов нет, – отвечал г-н Беннет. – Они глупы и невежественны, как всякие девицы; Лиззи же сообразительна поболее сестер.

– Господин Беннет, как можете вы подобным манером оскорблять своих детей? Вы дразните меня и тем наслаждаетесь. Вы вовсе не питаете сочувствия к расшатанным моим нервам.

– Вы ошибаетесь, любезная моя. К вашим нервам я питаю глубочайшее уваженье. Мы с ними давно приятельствуем. По меньшей мере двадцать лет я слышу, сколь любовно вы о них отзываетесь.

– Ах! Вам не понять моих страданий.

– Надеюсь, однако, вы оправитесь и доживете до того дня, когда в окрестностях станут кишеть толпы молодых людей с четырьмя тысячами в год.

– Нам это без толку, даже если прибудет двадцать молодых людей, ибо вы не желаете их навещать.

– Можете не сомневаться, любезная моя, когда их станет двадцать, я навещу каждого.

Г-н Беннет являл собою столь диковинную мешанину вспльчивости, остроумья саркастического сорта, холодности и чудачества, что на постиженье нрава его г-же Беннет не хватило и двадцати трех лет. Разгадыванье *ее* характера не представляло такого труда. Г-жа Беннет обладала недалеким умом, немногими познаниями и неустойчивым темпераментом. Будучи недовольною, она полагала себя нервной. Делом жизни *ее* было устройство дочерних браков; отрадою – визиты и сплетни.

Глава II

Г-н Беннет навестил г-на Бингли одним из первых. Г-н Беннет таким образом поступить и намеревался, хотя до последнего уверял супругу, что не поедет, и до вечера того дня г-жа Беннет не имела о визите понятия. Раскрылось же сие следующим манером. Наблюдая, как вторая дочь отделяет шляпку, г-н Беннет внезапно обратился к своему чаду со словами:

– Надеюсь, господину Бингли сие понравится, Лиззи.

– Откуда нам знать, *что* нравится господину Бингли, – вознегодовала ее мать, – раз мы не станем его навещать.

– Но вы забываете, мамá, – отметила Элизабет, – что мы встретимся с ним на балу, а госпожа Лонг обещала его представить.

– Я так думаю, госпожа Лонг ничего подобного не сделает. У нее и у самой две племянницы. Она дама себялюбивая и лицемерная, и я слова доброго о ней сказать не могу.

– Равно и я, – прибавил г-н Беннет, – и мне приятно слышать, что вы не полагаетесь на ее услуги.

Г-жа Беннет не снизошла до ответа; впрочем, не в силах сдерживать себя, накинулась на одну из дочерей:

– Прекрати кашлять, Китти, во имя всего святого! Пожалей хоть чуточку мои нервы. Ты раздираешь их в клочья.

– Кашляя, Китти выказывает неблагоразумье, – отметил ее отец. – Дурно выбирает минуту для кашля.

– Я же не забавы ради кашляю, – возмутилась Китти.

– Когда предполагается твой следующий бал, Лиззи?

– Через пятнадцать дней.

– Вот именно! – вскричала ее мать. – А госпожа Лонг вернется лишь накануне, а стало быть, не сможет представить господина Бингли, поскольку и сама не будет с ним знакома.

– Таким образом, любезная моя, вы можете заполучить преимущество пред своею другой и представить господина Бингли *ей*.

– Сие невозможно, господин Беннет, просто невозможно, ибо и я с ним не знакома; отчего вы так жестоко дразните меня?

– Воздаю должное вашей осмотрительности. Разумеется, двухнедельное знакомство почти ничего не значит. Как возможно познать человека за две недели? Но если не рискнем *мы*, сие свершит кто-либо другой, а госпожа Лонг со своими племянницами все-таки должны попытаться счастья; таким образом, поскольку она сочтет сие добрым поступком, я возьму эту обязанность на себя, если вы откажетесь.

Девочки воззрились на отца. Г-жа Беннет отвечала лишь:

– Ерунда, полная ерунда!

– Что разумеете вы под сим эмфатическим восклицаньем? – вскричал он. – Почитаете ли вы ерундою официальное знакомство и важность такового? В *этом* не вполне могу с вами согласиться. А ты что скажешь, Мэри? Я же знаю, что ты юная дама глубоких познаний, читаешь толстые книги и делаешь выписки.

Мэри и хотела бы сказать нечто разумное, однако в голову ей ничего не пришло.

– Пока Мэри приводит мысли в порядок, – продолжал г-н Беннет, – вернемся к господину Бингли.

– Меня тошнит от господина Бингли! – закричала его жена.

– *Сие* мне огорчительно слышать; отчего же вы прежде не сказали? Знай я об этом нынче утром, я, разумеется, не стал бы его навещать. Какая незадача; но теперь, поскольку я навестил его, нам не избежать знакомства.

Последующего изумленья дам – вот чего желал г-н Беннет; изумленье г-жи Беннет, пожалуй, превзошло изумленье прочих, однако, едва первый всплеск радости миновал, супруга заявила, что сего и ожидала с самого начала.

– Как вы добры, дорогуша мой господин Беннет! Но я так и знала, что в конце концов вас уговорю. Я ни секундочки не сомневалась – вы слишком любите своих девочек, вы не могли пренебречь таким знакомством. О, как я счастлива! и надо же, как удачно вы пошутили – отправились поутру, но до сей минуты и слова не молвили.

– Отныне, Китти, можешь кашлять, сколько тебе угодно, – изрек г-н Беннет и с этими словами покинул комнату, изнуренный восторгами жены.

– Какой у вас замечательный отец, девочки, – отметила та, едва закрылась дверь. – И не знаю прямо, как вам отблагодарить его за доброту; не знаю, как мне его отблагодарить. В нашем возрасте, уверяю вас, не столь уж приятно всякий день заводить новые знакомства; но ради вас мы на все готовы. Лидия, милая, ты, *разумеется*, младшая, однако на ближайшем балу господин Бингли наверняка станет танцевать с тобою.

– О! – решительно ответствовала Лидия. – А мне и не страшно. Я, *конечно*, младшая, зато самая высокая.

Остаток вечера прошел за гаданьями, как скоро г-н Бингли нанесет ответный визит, и рассуждениями, когда пригласить его к обеду.

Глава III

Впрочем, как ни вопрошала г-жа Беннет, поспешествуемая пятью дочерьми, из супруга ее так и не удалось выжать удовлетворительного описания г-на Бингли. Дамы атаковали г-на Беннета разнообразно: прямыми вопросами, остроумными предположениями, смутными догадками; тот, однако, увертывался от их совокупного хитроумья, и в итоге дамам пришлось удовольствоваться мнением, полученным от леди Лукас. Отзыв ее был весьма благоприятен. Сэр Уильям в восторге от г-на Бингли. Тот очень молод, замечательно красив, невероятно мил и, в довершение ко всему, собирается быть на ближайшем балу вместе с большим обществом. Что может быть восхитительнее? Склонность к танцам – отчасти шаг к влюбленности, а посему касательно сердца г-на Бингли зародились весьма лучезарные ожидания.

– Кабы только я увидела, как одна из дочерей моих счастливо поселилась в Незерфилде, – говорила г-жа Беннет супругу, – да все остальные тоже удачно вышли замуж, мне бы нечего было и желать.

Через несколько дней г-н Бингли явился к г-ну Беннету с ответным визитом и минут десять просидел с хозяином дома в библиотеке. Г-н Бингли питал надежду узреть молодых дам, о чьей красоте был немало наслышан, однако созерцал только их отца. Пожалуй, дамам повезло больше: из верхнего окна они увидели, что г-н Бингли одет в синий редингот и ездит на вороном коне.

Вскоре последовало приглашение к обеду; г-жа Беннет уже сочиняла блюда, кои выгодно явят ее талант к домоводству, но тут пришел ответ, сии планы отсрочивший. Г-н Бингли завтра должен быть в городе, а стало быть, не сможет принять столь почетное для него приглашение, и т. д. Г-жу Беннет охватило крайнее недовольство. Она не постигала, что за дела могут призывать его в город так скоро после прибытия в Хартфордшир, и заподозрила, что г-н Бингли, вероятно, беспрестанно порхает туда-сюда и никогда не оседет в Незерфилде, как ему надлежит. Леди Лукас отчасти утишила ее страхи, предположив, что г-н Бингли отправился в Лондон лишь затем, чтобы доставить большое общество на бал, и вскоре поступили сведенья, что г-н Бингли привезет с собою двенадцать дам и семь джентльменов. Девушки печалились о подобном множестве дам, однако накануне бала утешились, прослышав, что г-н Бингли привезет из Лондона не двенадцать дам, а только шесть – пять сестер и кузину. Группа же, коя вступила в бальную залу, состояла всего из пятерых: г-на Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого человека.

Г-н Бингли был пригож и благороден; он располагал приятственной наружностью и непринужденностью, лишенной аффектации. Сестры его оказались утонченными дамами сугубо светского облика. Его зять г-н Хёрст попросту смотрелся джентльменом; однако друг его г-н Дарси вскоре привлек внимание всего собрания элегантностью и высоким ростом, красивыми чертами, благородной миною, а равно за пять минут распространившимся слухом о том, что он располагает десятками тысячами в год. Джентльмены объявили его образцом мужественности, дамы заявили, что он красивее г-на Бингли, и на г-на Дарси взирали с немалым восхищением полвечера, покуда манеры его не породили досады, коя уняла всплеск его популярности, ибо г-н Дарси оказался гордецом, не снисходившим до общества и не принимавшим подношений дружбы, а стало быть, никакое громадное поместье в Дербишире уж не мешало ему обладать весьма непривлекательной хмурой внешностью и быть недостойным сравнения с другом.

Г-н Бингли вскоре перезнакомился со всеми наиважнейшими людьми; он был оживлен и открыт, танцевал всякий танец, рассердился, когда вечер закончился чересчур рано, и упомянул, что не прочь дать бал в Незерфилде. Столь привлекательные черты говорят сами за себя. Сколь противоположен он своему другу! Г-н Дарси танцевал лишь единожды с г-жою

Хёрст и единожды – с юной г-жою Бингли, не пожелал быть представлен любой другой даме и остаток вечера бродил по зале, изредка заговаривая с одним из своих знакомцев. Г-ну Дарси был вынесен приговор. Один из самых гордых, наименее приятнейших людей на свете, и все надеялись, что он здесь более не появится. Среди наиболее рьяных его недругов оказалась г-жа Беннет, чья неприязнь к его поведению обострилась в особенности, поскольку г-н Дарси явил пренебрежение одной из дочерей сей дамы.

Ввиду немногочисленности джентльменов Элизабет Беннет вынуждена была два танца просидеть в кресле; некоторое время г-н Дарси обретался поблизости, и Элизабет подслушала его разговор с г-ном Бингли, на несколько минут прервавшим танцы, дабы привлечь друга к забавам.

– Пойдемте, Дарси, – сказал г-н Бингли, – я считаю, вам следует потанцевать. Невыносимо глядеть, как вы столь глупым манером стоите тут один. Танцевать гораздо приятнее.

– Я, разумеется, воздержусь. Вы знаете, как я этого не люблю, если незнаком с партнершей. В подобном собраньи сие будет нестерпимо. Ваши сестры заняты, а в зале нет ни единой женщины, с коей танец не окажется карой господней.

– Я бы на вашем месте не привередничал! – вскричал Бингли. – Слово чести, никогда прежде я не встречал столько славных девушек, и некоторые чрезвычайно милостивы.

– С единственной красивой девушкой танцуете вы, – ответил г-н Дарси, устремив взор на старшую сестру Беннет.

– О, в жизни я не зрел существа прекраснее! Но позади вас сидит одна из ее сестер – она очень милостива и, смею заметить, очень приятна. Дозвольте мне попросить мою партнершу – она вас представит.

– Это вы о ком? – Обернувшись, г-н Дарси взглянул на Элизабет, перехватил ее взгляд, отвел глаза и холодно изрек: – Она недурственна, однако недостаточно красива, чтобы искушать меня; я же нынче не в настроении удостаивать вниманья дам, коими пренебрегли остальные. Возвращайтесь лучше к партнерше и насладитесь ее улыбками – со мною вы лишь теряете время.

Г-н Бингли последовал сему совету. Г-н Дарси отошел прочь; Элизабет вовсе не питала к нему теплых чувств. Она, впрочем, с немалым воодушевленьем пересказала сию историю подругам, поскольку обладала нравом жизнерадостным и игривым и курьезами наслаждалась.

В общем и целом все семейство славно провело вечер. Г-жа Беннет созерцала, как гости из Незерфилда восхищаются ее старшей дочерью. Г-н Бингли танцевал с Джейн дважды, и к тому же ее заметили его сестры. Джейн наслаждалась не меньше матери, пускай и тише. Элизабет сопереживала сестриной радости. Мэри слышала, как ее рекомендовали юной г-же Бингли как наикультурнейшую девицу в округе; Кэтрин же и Лидию удача не оставила без партнеров, а только сие девиц пока и занимало в балах. Таким образом, в добром расположеньи духа все вернулись в свое жилище в Лонгборне, единственный господский дом в этой деревне. Возвратившись, они обнаружили, что г-н Беннет еще не ложился. Погрузившись в книгу, о времени он забывал, а в сем случае питал немалое любопытство касательно вечера, кой предвкушался с таким восторгом. Г-н Беннет, пожалуй, надеялся, что все ожидания супруги касательно приезжего будут обмануты, однако ему вскорости изложили совершенно иную историю.

– Ах, дорогуша господин Беннет, – молвила г-жа Беннет, переступая порог, – мы провели совершенно прелестный вечер, совершенно замечательный получился бал. Жаль, что вас не было. Нашей Джейн так восхищались – что может быть лучше? Все твердили, как чудесно она выглядит, а господин Бингли счел ее весьма прекрасной и дважды с нею танцевал. Вы только *подумайте*, дорогуша, он танцевал с нею дважды, честное слово, и лишь ее одну в целой зале пригласил во второй раз. Поначалу-то он пригласил юную госпожу Лукас. Я рассердилась, как их вместе увидела, но, тем не менее же, ею он вовсе не восторгался – вообще-то кому охота ею восторгаться, сами знаете; а Джейн его, я так думаю, восхитила, еще когда с партнером шла.

Ну, он спросил, кто она такая, был представлен и пригласил ее на следующие два танца. Потом третью пару он танцевал с юной госпожой Кинг, четвертую – с Марией Лукас, пятую снова с Джейн, шестую с Лиззи, а Boulanger²...

– Если б он питал хоть малейшее сочувствие ко *мне*, – в нетерпении вскричал ее супруг, – он танцевал бы вдвое меньше. О, отчего не растянул он лодыжку в первом же танце!

– Ах, дорогуша, – продолжала г-жа Беннет, – мне он очень понравился. Столь необычайно красив! и сестры его очаровательны. В жизни я не видала ничего элегантнее их туалетов. А кружева на платье госпожи Хёрст...

Ее снова прервали. Г-н Беннет воспротивился всякому описанию нарядов. Посему супруге его пришлось искать иной поворот беседы и с немалой едкостью и некоторыми преувеличениями поведать об ужасной грубости г-на Дарси.

– Но уверяю вас, – прибавила она, – Лиззи мало теряет, не удовлетворяя вкусы *этого* человека, ибо он крайне отталкивающ, гадок и вовсе не стоит обходительности. Такой заносчивый, такой самоуверенный – сие попросту невыносимо. Бродил да бродил по зале, воображал, будто весь из себя величествен! Недостаточно красива, чтоб с нею танцевать! Жаль, что вас не было, дорогуша, – вы бы его приструнили, как вы умеете. Мне он не понравился до крайности.

² Буланже (*фр.*) – танец, пришедший в Англию из Франции и представлявший собою одну из фигур котильона, танцевавшуюся кругом, образованным парами, со сменой партнеров.

Глава IV

Едва Джейн и Элизабет остались наедине, старшая сестра, прежде восхищавшаяся г-ном Бингли сдержанно, поведала, как восторгается им.

– Он таков, каким надлежит быть молодому человеку, – сказала она. – Разумный, мягкий, жизнерадостный; и я никогда не видела столь замечательных манер – такая сердечность и такое совершенство воспитанья!

– И к тому же он красив, – отвечала Элизабет, – каким молодому человеку тоже полагается быть, если он способен. Итак, характер его совершенен.

– Мне сильно польстило, что он пригласил меня во второй раз. Я не ожидала подобного комплимента.

– Правда? А я ожидала. В сем и разница меж нами. Тебя комплименты неизменно застают врасплох, меня же – никогда. Что может быть естественнее, чем пригласить тебя снова? Ты раз в пять красивее любой дамы в зале – он же не слепой. Дабы сие увидеть, ему не нужна галантность. Итак, он очень мил, и я позволяю тебе питать к нему симпатию. Тебе нравились персоны и поглупее.

– Лиззи, милая!

– Ты, знаешь ли, чересчур уж склонна любить людей вообще. Ни в ком не видишь слабостей. Все мнится тебе добрым и приятным. Я в жизни не слыхала, чтоб ты дурно о ком-нибудь отозвалась.

– Я бы не желала порицать человека опрометчиво; однако я всегда говорю, что у меня на сердце.

– Я знаю; *это* и удивительно. С *твоей* здравостью – и столь неподдельная слепота к чужим порокам и вздору! Притворная щедрость души распространена немало – ее встречаешь повсюду. Но быть щедрой без чванства либо умысла, во всяком нраве уметь распознать хорошее, возвысить его, а о дурном умолчать, – к сему способна ты одна. И, кстати, его сестры тебе тоже понравились? Они себя ведут иначе.

– Разумеется, не понравились – вначале. Но они весьма приятные дамы, если с ними поговорить. Госпожа Бингли будет жить с братом и вести хозяйство, и я сильно ошибусь, если она не окажется милейшей соседкой.

Элизабет выслушала молча, однако не поддавалась: дамы на балу не желали со всеми быть приветливыми; будучи проницательнее сестры и менее податлива, а равно обладая суждениями, не затуманенными вниманьем к собственной персоне, Элизабет крайне мало склонна была сих дам одобрять. Да, они были весьма элегантны, не лишены благодушия в минуту удовольствия, не без таланта к обходительности, если такова была их цель, однако горделивы и самодовольны. Они были довольно красивы, учились в одном из первых частных пансионеров города, располагали наследством в двадцать тысяч фунтов, имели привычку тратить больше, нежели должно, и вращались в высшем обществе, а стало быть, как ни посмотри, имели право высоко ценить себя и ни в грош не ставить всех прочих. Они были дочерьми уважаемого семейства с севера Англии – обстоятельство, кое запечатлелось в их памяти отчетливее, нежели тот факт, что их собственное наследство, а равно состоянье их брата приобретены торговлею.

От отца, намеревавшегося купить поместье, однако до сего не дожившего, г-н Бингли унаследовал собственность, коя оценивалась почти в сто тысяч фунтов. Г-н Бингли собирался распорядиться деньгами сходным образом и порою выбирал графство; но поскольку ныне он располагал прекрасным домом и правом охоты³, многим из тех, кто хорошо г-на Бингли знал,

³ Имеется в виду право охоты на землях арендованного поместья.

представлялось сомнительным, что он не проведет остаток дней своих в Незерфилде, а покупку не предоставит следующему поколению.

Сестры его в нетерпении дожидались, когда он приобретет собственное поместье; но хотя сейчас г-н Бингли обосновался в Незерфилде лишь съемщиком, юная г-жа Бингли отнюдь не возражала сидеть во главе его стола, а г-жа Хёрст, вышедшая за человека, обладавшего более положением, нежели состоянием, не менее склонна была полагать дом г-на Бингли своим, когда сие мнилось ей удобным. И двух лет не прошло с совершеннолетия г-на Бингли, когда случайная рекомендация соблазнила его взглянуть на Незерфилд. Г-н Бингли глядел на него и в него полчаса, остался доволен окрестностями и хозяйскими комнатами, удовлетворен похвалами дому, расточаемыми владельцем, и снял Незерфилд тотчас же.

Несмотря на великую разницу характеров, Бингли и Дарси связывала очень крепкая дружба. Г-н Бингли полюбился другу за непринужденность, открытость, податливость, хотя невозможен был нрав, более отличный от нрава Дарси, и хотя последний недовольства своим характером не выказывал. Бингли, безусловно, полагался на дружбу Дарси и высоко ценил его мнение. Здравостью Дарси его превосходил. Бингли был отнюдь не бестолков, однако Дарси обладал острым умом. В то же время он был заносчив, холоден и пренебрежителен, а манеры его, хоть и выдавали блестящее воспитанье, к близости не располагали. В этом отношении друг его обладал величайшим преимуществом. Бингли нравился всем, где бы ни появлялся, Дарси же неизменно почитался оскорбительным.

Их беседа на балу в Меритоне представляется весьма типической. Бингли в жизни не встречал столь славных людей и милостивых девиц, все к нему крайне добры и внимательны, ни малейшей формальности, ни малейшей чопорности, вскоре он уже познакомился словно бы со всею залюю; что же до юной г-жи Беннет, он и вообразить не может ангела прекраснее. Дарси, напротив, созерцал людское сборище, почти совершенно обделенное красотой и ничто лишнее благородства, ни одна персона не представляла для него ни малейшего интереса, и ни одна не подарила его вниманьем или же радостью. Юная г-жа Беннет – красавица, признал Дарси, однако сверх меры улыбается.

Г-жа Хёрст и ее сестра сего не оспорили, однако восторгались новой знакомицей, питали к ней симпатию и провозгласили ее славной девушкой, с коей не прочь познакомиться ближе. Итак, юная г-жа Беннет утвердилась славной девушкой, а брат вышеупомянутых дам счел, что похвала сия наделяет его правом думать о ней, как пожелает.

Глава V

На расстоянии краткой прогулки от Лонгборна проживало семейство, с коим Беннеты были особенно близки. Сэр Уильям Лукас в прошлом держал торговлю в Меритоне, сколотил приличное состояние и, будучи мэром и обратившись к королю, был возвышен до рыцарства. Пожалуй, почестя сия на него повлияла чрезмерно. Она одарила его омерзеньем к ремеслу и житю в торговом городишке, и сэр Уильям, бросив и то и другое, с семьею удалился на милю от Меритона в дом, кой с тех самых пор был поименован Обителью Лукаса; там сэр Уильям мог блаженно размышлять о собственном величии и, не стесненный делом, занимать себя исключительно любезностью по отношению ко всему миру. Ибо, хоть титул и возвысил сэра Уильяма, тот не стал надменен – напротив, всех и каждого неустанно дарил вниманьем. По природе своей был он безвреден, дружелюбен и обходителен, а представленье ко двору наделило сего господина учтивостью.

Леди Лукас была славною женщиной, не чересчур умной, а посему ценной для г-жи Беннет соседкою. У четы Лукас имелось несколько детей. Старшая, здравая, умная молодая женщина лет двадцати семи, задушевно дружила с Элизабет.

Встреча и обсужденье бала сестрам Лукас и сестрам Беннет представлялись решительно необходимыми, а потому наутро барышни Лукас явились в Лонгборн, дабы послушать и поболтать.

– Ты замечательно открыла вечер, Шарлотта, – молвила г-жа Беннет со всей любезностью самообладанья. – Тебя господин Бингли выбрал первой.

– Да, но второй выбор ему, очевидно, понравился больше.

– А-а – ты, вероятно, про Джейн, потому что он танцевал с нею дважды. Что ж, сие *и впрямь* наводило на мысль, будто он ею восхищен... вообще-то я полагаю, так оно и *было*... что-то я такое слыхала... не припомню... что-то касательно г-на Робинсона.

– Вы, должно быть, о той беседе между ним и господином Робинсоном, что я подслушала, – я вам не рассказывала? Господин Робинсон осведомился у него, как ему нравятся наши меритонские балы и согласен ли он, что в зале находится великое множество красавиц, и которая из них ему видится краше всех, – и на последний вопрос он отвечал тотчас: «О, безусловно, юная госпожа Беннет, здесь двух мнений быть не может».

– Смотрите-ка! – что ж, и в самом деле вполне бесспорно... мнится даже, будто... но тем не менее же, как вы понимаете, сие может обернуться ничем.

– Я подслушивала толковее, чем ты, Элайза, – сказала Шарлотта. – Вряд ли господина Дарси так же стоило слушать. Бедняжка Элайза! – всего лишь *недурственна*.

– Умоляю вас, не забивайте Лиззи голову, нечего ей беспокоиться из-за его дурного обращения; он такой противный, понравиться ему – изрядная незадача. Госпожа Лонг сказала мне вчера, что он полчаса просидел с нею рядом и ни разу рта не раскрыл.

– Вы вполне уверены, сударыня? Мне кажется, это ошибка, – заметила Джейн. – Я совершенно точно видела, как господин Дарси с нею разговаривал.

– Да-с – потому что в конце концов она спросила, по душе ли ему Незерфилд, и тут уж ему пришлось ответить – но она говорит, ее обращение всерьез его раздосадовало.

– Госпожа Бингли мне сказала, – продолжала Джейн, – что он почти ни с кем не беседует – только с близкими знакомцами. С *ними* он замечательно приятный человек.

– Ни слову не верю, дорогуша. Будь он таким уж приятным, поговорил бы с госпожою Лонг. Но я-то догадываюсь, как такое вышло: все твердят, что он от гордости едва не лопаётся, и, наверное, он как-то прознал, что у госпожи Лонг нет экипажа и она прибыла на бал в наемной карете.

– Пусть играет в молчанку с госпожой Лонг, сколько ему заблагорассудится, – сказала юная г-жа Лукас, – но лучше бы он потанцевал с Элайзой.

– В следующий раз, Лиззи, – сказала ее мать, – я бы на твоём месте отказалась танцевать с ним.

– Пожалуй, сударыня, я вполне могу обещать вам, что *никогда* не стану с ним танцевать.

– Гордость его, – молвила юная г-жа Лукас, – не оскорбляет *меня*, как зачастую имеет свойство оскорблять гордость, ибо для нее имеется повод. Что ж тут удивляться, если благородный человек, с древним родом, состоянием и сплошным благоприятствованием, собою доволен. Если можно так выразиться, он имеет *право* гордиться.

– Не поспоришь, – отвечала Элизабет, – и я бы с легкостью простила *его* гордость, если б он не оскорбил *мою*.

– На мой взгляд, гордость, – отметила Мэри, кичившаяся солидностью своих суждений, – порок весьма распространенный. Все, что я прочла, убеждает меня, что он распространен очень широко, природа человеческая особенно ему подвержена и очень немногие из нас не лелеют самодовольства из-за того или иного своего качества, подлинного или же воображаемого. Тщеславие и гордость – явления различные, хотя слова нередко употребляются синонимичным образом. Человек может быть горд, но лишен тщеславья. Гордость более касается нашего мнения о себе, тщеславье же – того, что думают о нас прочие.

– Будь я богат, как господин Дарси, – вскричал юный Лукас, явившийся в гости вместе с сестрами, – мне было бы все равно, сколь я горд. Я бы держал свору паратых гончих и всякий день бы выпивал бутылку вина.

– Стало быть, ты выпивал бы гораздо больше, чем должно, – отметила г-жа Беннет, – и кабы я такое увидела, мне бы у тебя следовало отнять бутылку.

Мальчик возразил, что ничего подобного ей бы не следовало, г-жа Беннет не отступала, и спор сей завершился только с отбытием визитеров.

Глава VI

Дамы из Лонгборна вскоре посетили таковых из Незерфилда. Как и полагается, имел место ответный визит. Обворожительные манеры юной г-жи Беннет исторгали доброжелательность из г-жи Хёрст и юной г-жи Бингли, и хотя мать была сочтена невыносимой, а младшие сестры – не стоящими беседы, двум старшим было изъявлено желание познакомиться ближе. Джейн восприняла сие вниманье с величайшим наслаждением, но Элизабет по-прежнему видела надменность в обращении сестер Бингли со всеми, не исключая, пожалуй, и ее сестры, и полюбить новых знакомиц не могла; впрочем, их доброта к Джейн, какова бы ни была, обладала ценностью, ибо, по всей вероятности, коренилась в восхищеньи их брата. В общем, при всякой встрече Бингли и Джейн было очевидно, что он *и впрямь* восхищается ею, а Элизабет было равно очевидно, что Джейн поддается склонности, кою питала к нему со дня знакомства, и в некотором смысле всерьез влюблена; но, с удовольствием размышляла Элизабет, вряд ли сие обнаружат все, ибо с величайшей силою чувства Джейн сочетала уравновешенность и неизменную жизнерадостность, кои оберегали ее от подозрений назойливых персон. Сим соображеньем Элизабет поделилась со своей подругой, юной г-жою Лукас.

– Пожалуй, сие приятно, – отвечала Шарлотта, – уметь в подобном случае дурачить общество, однако порою осторожность становится препоною. С таким же мастерством скрывая нежные чувства от предмета таковых, женщина рискует его упустить – и мало утешенья в том, что впопыхах бродят и все прочие. Почти во всякой симпатии столько благодарности или же тщеславья, что попросту опасно оставлять их без присмотра. *Влюбляемся* мы все легко – небольшое предпочтенье вполне естественно; однако лишь немногим из нас хватает духу поистине любить без поощренья. В девяти случаях из десяти женщине лучше выказывать больше нежных чувств, нежели она питает. Несомненно, Бингли нравится твоя сестра, но он может и не решиться на большее, если она ему не поможет.

– Но она помогает ему, насколько позволяет ее натура. Если уж я постигаю ее к нему расположение, он должен быть совершеннейшим простофилей, чтоб ее расположение не заметить.

– Не забывай, Элайза, что он не знает Джейн, как знаешь ее ты.

– Но если женщина равнодушна к мужчине и не старается этого скрыть, он, разумеется, должен сие обнаружить.

– Вероятно, должен, если достаточно с нею видится. Но Бингли и Джейн, хоть и встречаются с пристойной частотою, никогда не бывают друг с другом часами, а поскольку видятся они в больших обществах, им невозможно всякий миг посвящать беседам. Посему Джейн следует до самого доньшка использовать всякие полчаса, когда она владеет его вниманьем. Вот когда она в нем уверится – тогда, пожалуйста, на досуге может влюбляться сколько угодно.

– План твой хорош, – отвечала Элизабет, – если речь идет только о желаньи удачно выйти замуж, и, вознамерясь я заполучить богатого мужа – да и любого мужа, – пожалуй, мне бы так и следовало поступать. Но чувства Джейн иные – она не свершает поступков с умыслом. Ныне у нее нет оснований доверять ни степени своего расположения, ни здравости такового. Они знакомы всего две недели. Она протанцевала с ним четыре танца в Меритоне, однажды утром виделась с ним у него в доме и четырежды обедала вместе с ним в обществе. Сего отнюдь не достаточно, чтобы постичь его характер.

– При таком повороте – конечно. Если б она с ним просто *обедала*, она бы выяснила только, хорош ли у него аппетит; но не забывай, что притом четыре вечера они провели вместе – а четыре вечера могут многое изменить.

– Да, эти четыре вечера позволили им увериться, что оба они предпочитают *vingt-et-un* игре в торговлю, но в отношении всех прочих наиважнейших черт, насколько я себе представляю, ничего в особенности не раскрылось.

– Что ж, – молвила Шарлотта, – я всей душою желаю Джейн успеха, и если б она вышла за него завтра, я бы сочла, что для нее вероятно прожить жизнь счастливо не меньше, чем если бы она изучала его характер целый год. Счастье в браке – абсолютнейшая случайность. Будь характеры сторон постигнуты ими до мелочей или будь они похожи как две капли воды, сие вовсе их блаженству не способствует. Впоследствии они достаточно переменятся, чтобы хлебнуть свою долю недовольства; лучше как можно меньше знать о недостатках персоны, с коей намерена провести всю жизнь.

– Ты насмешила меня, Шарлотта, однако же сие не здраво. Ты сама понимаешь, что не здраво и что сама никогда подобным образом не поступишь.

Увлеченно наблюдая, как г-н Бингли ухаживает за ее сестрою, Элизабет и не подозревала, что сама стала предметом некоего интереса, явленного другом упомянутого господина. Поначалу г-н Дарси еле признал ее миловидной, на балу взирал на нее без восхищенья, а при последующих встречах устремлял на нее взор сугубо критики ради. Но едва он с предельной ясностью дал понять себе и друзьям, что лицо Элизабет не обладает ни единой привлекательной чертою, как заметил, что, благодаря прекрасным темным глазам, лицо сие необычайно умно. За сим открытjem последовали прочие, равно оскорбительные. Неодобрительный взор подметил не одно нарушение идеальной симметрии ее облика, однако г-н Дарси вынужден был признать, что фигура ее грациозна и привлекательна, и, невзирая на его заявления, будто манеры Элизабет не достойны великосветского общества, его завораживала их непринужденная игривость. О сем Элизабет не имела понятия – для нее он оставался лишь человеком, кой нигде никому не мил, а ее саму счел недостаточно красивой, чтобы с нею танцовать.

Ему возжелалось больше узнать о ней, и, готовясь к беседе с нею самолично, он стал прислушиваться к ее беседам с прочими. Сие привлекло ее вниманье. Случилось это у сэра Уильяма Лукаса, где собралось множество гостей.

– Для чего это господин Дарси, – спросила Элизабет Шарлотту, – слушает мою беседу с полковником Форстером?

– На сей вопрос ответить в силах лишь господин Дарси.

– Если он продолжит в том же духе, я дам ему знать, что сие вижу. Взирает он весьма сатирически, и я стану его бояться, если сама не начну дерзить.

Вскоре, когда он направился к ним, хоть и не являя намеренья заговорить, юная г-жа Лукас припомнила сие Элизабет, чем немедленно подругу раззадорила; обернувшись к г-ну Дарси, та промолвила:

– Мне кажется, только что я выразилась необычайно удачно, когда подначивала полковника Форстера насчет бала в Меритоне, – как вы полагаете, господин Дарси?

– С замечательным воодушевленьем – но сия тема всегда воодушевляет дам.

– Вы к нам суровы.

– Скоро настанет ее черед сносить подначки, – заметила г-жа Лукас. – Я открою фортепьяно, Элайза, и сама знаешь, что будет дальше.

– Для подруги ты весьма странное создание! – вечно хочешь, чтоб я играла и пела пред всеми и каждым! Если б тщеславье мое приняло музыкальный облик, ты была бы незамечима, но вообще-то я бы предпочла не выступать пред теми, кто обыкновенно слушает лучших исполнителей. – На настойчивые уговоры г-жи Лукас Элизабет, впрочем, отвечала: – Что ж, хорошо; чему быть, того не миновать. – И, серьезно воззрившись на г-на Дарси: – Есть удачная старая поговорка, кою все здесь, разумеется, знают: «Сбереги дыханье – нечем будет на овсянку дуть»; итак, я сберегу дыхание для пенья.

Выступление ее было мило, хотя никоим образом не блестяще. После пары песен, не ответив на мольбы нескольких гостей спеть снова, Элизабет охотно уступила место сестре Мэри, каковая, будучи единственной дурнушкой в семье, прилежно трудилась, добиваясь познаний и успехов, и неизменно жаждала их явить.

Мэри не обладала ни способностями, ни вкусом, и тщеславье, хоть и наделило ее стараньем, равно подарило самодовольством и педантизмом, коими искусство, превосходящее ее умения, было бы оскорблено. Элизабет, непринужденную и непосредственную, слушали с большим удовольствием, хоть она играла и вполнину не столь хорошо; Мэри же по завершении продолжительного концерта с удовольствием заслужила хвалы и благодарность шотландскими и ирландскими мелодиями, кои запросили ее младшие сестры, рьяно бросившиеся танцевать в углу залы с Лукасами и двумя-тремя офицерами.

Г-н Дарси возвышался подле них, безмолвно негодуя на подобную манеру проводить вечер, в беседы не вступал и пребывал столь поглощен думами, что не заметил подле себя сэра Уильяма Лукаса, пока тот не заговорил:

– Сколь очаровательная забава для молодежи, господин Дарси! Все-таки ничто не сравнится с танцами. Лично я полагаю их одним из наиутонченнейших явлений изысканного общества.

– Разумеется, милостивый государь, – и преимущество их в том, что они равно в моде и в менее изысканных обществах мира сего. Танцевать умеют даже дикари.

Сэр Уильям лишь улыбнулся.

– Ваш друг к сему замечательно способен, – продолжал он после паузы, увидев, что к танцорам присоединился Бингли. – Я же не питаю сомнений, что вы и сами, господин Дарси, сведущи в сей науке.

– Полагаю, сударь, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

– Именно, и зрелище сие мне доставило немалое удовольствие. Часто ли вы танцуете в Сент-Джеймсе⁴?

– Никогда, сударь.

– Не кажется ли вам, что он сего вполне достоин?

– Я стараюсь никаких мест сим не удостаивать, если в силах этого избежать.

– У вас, я так понимаю, в городе дом?

Г-н Дарси наклонил голову.

– Одно время я и сам подумывал обосноваться в городе, ибо я люблю высшее общество; однако же я сомневался, что лондонская атмосфера пойдет на пользу леди Лукас.

Он умолк, надеясь на ответ, однако визави его к ответу расположен не был; в эту минуту к ним направилась Элизабет, и сэр Уильям, коему в голову пришла выходка весьма галантного свойства, окликнул:

– Дражайшая моя госпожа Элайза, отчего же вы не танцуете? Господин Дарси, позвольте представить вам в сей юной даме весьма желанную партнершу. Я уверен, вы не откажетесь потанцевать, когда пред вами такая красота.

И, схватив Элизабет за руку, он уже собрался вложить ее ладонь в руку г-на Дарси, какой, удивившись несказанно, отнюдь не возражал руку сию принять, однако же Элизабет тотчас попятилась и в некотором замешательстве молвила сэру Уильяму:

– Честное слово, сударь, танцевать я ни капли не желаю. Прошу вас, не допустите мысли, будто я направлялась сюда, желая молить о партнере.

Г-н Дарси серьезно и пристойно попросил чести протанцевать с нею – вотще. Элизабет была непоколебима, и все попытки сэра Уильяма ее уговорить не пошатнули ее решимости.

– Вы столь чудесно танцуете, госпожа Элайза, – жестоко лишать меня счастья наблюдать за вами, и хотя сей джентльмен вообще-то не питает склонности к забавам, я не сомневаюсь, он пожертвует нам полчаса.

– Господин Дарси необычайно любезен, – улыбнулась Элизабет.

⁴ Сент—Джеймский дворец – построенный в XVI в. лондонский дворец к северу от Сент-Джеймского парка; с 1698 по 1837 г. являвшийся официальной королевской резиденцией.

– Бесспорно – однако, имея в виду приманку, дорогая моя госпожа Элайза, мы не вправе удивляться его обходительности, ибо кто отвергнет такую партнершу?

Элизабет одарила его лукавым взглядом и отвернулась. Сопротивление не повредило ей в глазах джентльмена, кой с неким удовлетвореньем размышлял о ней, когда юная г-жа Бингли обратилась к нему следующим манером:

– Догадываюсь, о чем вы тут задумались.

– Полагаю, сие маловероятно.

– Вы рассуждаете, как невыносимо будет многие вечера провести подобным манером – в подобном обществе, и я вполне разделяю ваше мнение. Как сие чрезвычайно досадно! Пресность и однако же шум; ничтожность и однако же спесь этих господ! Чего бы я не отдала, чтоб услышать, как вы их громите!

– Уверяю вас, гипотеза сия решительно неверна. Ум мой полнился соображеньями, кои гораздо приятственнее. Я размышлял о величайшем наслажденьи, что способны подарить прекрасные очи красивой женщины.

Юная г-жа Бингли тотчас вперила в него взор и пожелала узнать, которая дама удостоилась чести внушить ему подобные думы. Г-н Дарси отвечивал весьма бесстрашно:

– Госпожа Элизабет Беннет.

– Госпожа Элизабет Беннет! – повторила юная г-жа Бингли. – Я потрясена. И давно ли она у вас в любимицах? – и когда же мне пожелать вам счастья?

– Именно сего вопроса я от вас и ожидал. Женское воображение весьма поспешно, в единый миг перелетает от восхищенья к любви, а от любви – к супружеству. Я так и знал, что вы станете желать мне счастья.

– Нет уж, если вы столь серьезны, я стану полагать сей вопрос абсолютно решенным. У вас будет очаровательнейшая теща, и она, разумеется, навеки поселится с вами в Пемберли.

С глубочайшим равнодушьем г-н Дарси слушал, как она развлекает себя подобным манером, и поскольку его самообладанье убедило ее, что опасность прошла стороною, сие остроумье блистало еще долго.

Глава VII

Собственность г-на Беннета почти целиком состояла из поместья, кое приносило две тысячи в год и, к великому сожаленью дочерей владельца, в отсутствие наследников мужеского полу майоратом⁵ закреплялось за дальним родственником; наследство же их матери, хоть и обильное для ее положенья, едва ли могло восполнить нехватку наследства отца. Ее отец был поверенным в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее имелась сестра, пребывавшая замужем за неким г-ном Филипсом, каковой у их отца служил и унаследовал его дело; равно был у нее брат, осевший в Лондоне и занимавшийся почтенного сорта торговлей.

Деревня Лонгборн находилась всего в миле от Меритона – весьма удобно для молодых дам, коих обычно манило туда раза три-четыре в неделю, любезно навестить тетушку, а равно модистку, располагавшуюся как раз напротив. Две младшие, Кэтрин и Лидия, особенно часто оказывали подобное вниманье: их умы были пустее, нежели у сестер; когда не случалось ничего получше, прогулка в Меритон по необходимости разнообразила их утренние часы и предоставляла тему для вечерних бесед, и как бы ни была скудна новостями округа, девушки неизменно умудрялись что-нибудь у тетушки вызнать. Ныне же сплетни и удовольствия обеспечило им прибытье милиционного полка, каковой будет квартировать в Меритоне всю зиму.

Всякое посещение г-жи Филипс приносило теперь наиллюбопытнейшие сведенья. Что ни день познания девушек касательно имен и родственных связей офицеров прирастали. Жилища последних недолго оставались в тайне, а со временем младшие сестры Беннет стали знакомиться и с самими офицерами. Г-н Филипс навещал их всех, и сие открыло его племянницам источник неведомого прежде блаженства. Ни о чем, кроме офицеров, они и говорить не могли, и внушительное состояние г-на Бингли, упоминанье о коем взбадривало их мать, мнилось им бессмысленным в сравненьи с обмундированием младшего офицерского состава.

Однажды утром, послушав их излиянья, г-н Беннет хладнокровно отметил:

– Судя по тому, что я в силах постичь из образа ваших бесед, вы, по видимости, глупейшие девицы в графстве. Сие я подозревал уже некоторое время, однако ныне убедился.

Кэтрин смутилась и не ответила, однако Лидия по-прежнему совершенно невозмутимо восторгалась капитаном Картером и вслух надеялась увидеть его нынче, ибо завтра утром он отбывает в Лондон.

– Я поражена, дорогуша, – сказала г-жа Беннет, – тем, что вы столь охотно объявляете собственных детей глупыми. Кабы уж я пожелала пренебрежительно высказаться о чьих-либо детях, дети сии безусловно не были бы моими.

– Если мои дети глупы, я рассчитываю всегда сие сознавать.

– Да, однако же все они очень умны.

– Сие, смею надеяться, единственный вопрос, кой порождает несогласье меж нами. Я надеялся, что наши мненья совпадают до мельчайших малостей, но куда принужден высказать отличное от вашего соображенье, а именно: две наши младшие дочери необычайно бестолковы.

– Дорогуша господин Беннет, нельзя ожидать от таких девочек здравости их отца и матери. Надо полагать, дожив до нашего возраста, они станут думать об офицерах не более нашего. Помню, были времена, когда мне и самой весьма по нраву были красные мундиры – в душе я питаю к ним симпатию и по сей день; а коли толковый молодой полковник с пятью-

⁵ Майорат – система наследования имущества, при которой оно безраздельно переходит к старшему из наследников (к старшему сыну или, за отсутствием такового, старшему в роду); практиковалась во избежание дробления земель.

шестью тысячами в год пожелает одну из моих девочек, я ему не откажу; и еще мне показалось, что на днях у сэра Уильяма полковник Форстер был весьма хорош в мундире.

– Мама, – вскричала Лидия, – тетушка говорит, что полковник Форстер и капитан Картер стали реже навещать госпожу Уотсон, чем по приезде; она часто видит их в библиотеке Кларка.

Ответить г-же Беннет помешало явление лакея с запискою для юной г-жи Беннет – записку прислали из Незерфилда, и лакею велено было дожидаться ответа. Глаза матери засверкали от удовольствия, и она взывала в нетерпении:

– Ну-с, Джейн, от кого же это? О чем там? Что он пишет? Ну же, Джейн, расскажи нам поскорее; поторопись, милая, – пока дочь ее читала.

– От госпожи Бингли, – отвечала Джейн и затем прочла вслух:

Дражайший мой друг, если Ваше состраданье не позволит Вам отобедать нынче с Луизой и со мною, мы рискуем возненавидеть друг друга на весь остаток жизни, ибо tête-à-tête двух дам на целый день не может завершиться иначе, нежели ссорой. Приезжайте, как только получите сие. Брат мой и джентльмены станут обедать с офицерами.

Ваша навсегда,
Кэролайн Бингли.

– С офицерами! – вскричала Лидия. – Отчего же тетушка нам об *этом* не сказала?

– Обедает не дома, – заметила г-жа Беннет. – Какая незадача.

– Можно я возьму экипаж? – спросила Джейн.

– Нет, дорогуша, лучше поезжай верхом – похоже, собирается дождь; а затем оставайся в Незерфилде на ночь.

– Хороший план, – заметила Элизабет, – если б вы были уверены, что дамы не предложат отвезти Джейн домой.

– О, но ведь джентльмены поедут в Меритон в экипаже господина Бингли, а у Хёрстов своих лошадей нет.

– Я бы предпочла экипаж.

– Но, дорогуша, твой отец, разумеется, не может выделить тебе упряжных. Они потребны в хозяйстве, не так ли, господин Беннет?

– Они потребны в хозяйстве существенно чаще, нежели мне удастся их заполучить.

– Но если вы их получите сегодня, – сказала Элизабет, – матушкина цель будет достигнута.

В конце концов она выжала из отца признание, что упряжные заняты. Итак, Джейн оставалось лишь отправиться верхом, и мать проводила ее до двери, бодро пророча ненастье. Надежды г-жи Беннет сбылись: вскоре после отъезда Джейн начался ливень. Сестры переживали за нее, однако мать блаженствовала. Лило весь вечер без перерыва; разумеется, Джейн не могла возвратиться.

– Ведь как я удачно придумала! – не раз повторила г-жа Беннет, будто вызвала ливень самолично. Впрочем, всего блеска своей выдумки она не осознавала до самого утра. Не успело семейство толком позавтракать, как из Незерфилда явился слуга с запискою к Элизабет.

Милая моя Лиззи, я с утра сильно занемогла – вероятно, сие объясняется тем, что я вчера насквозь вымокла. Мои добрые подруги и слышать не желают о том, чтоб отпустить меня домой, пока я не поправлюсь. Они также настаивают, чтоб я показалась г-ну Джоунзу, – посему не тревожься, если узнаешь, что он меня навещал, – и, кроме большого горла и головной боли, меня почти ничего не мучает.

Твоя, и т. д.

– Что ж, любезная моя, – изрек г-н Беннет, когда Элизабет огласила записку, – если ваша дочь сляжет с опасным недугом, если она умрет, весьма утешительно будет знать, что сие свершилось ради господина Бингли и по вашему повелению.

– Ой, да я вовсе не боюсь, что она умрет. От крохотулечных простуд никто не умирает. О ней хорошо позаботятся. Пока она там, всё лучше не бывает. Я съезжу ее навестить, если вы мне выделите экипаж.

Элизабет, не на шутку встревоженная, решила отправиться к Джейн сама, хотя экипажа не чаялось; и поскольку верхом Элизабет не ездил, ей оставалось лишь пойти пешком. Она объявила о своем намерении.

– Ну что ты за дурочка, – вскричала ее мать, – о чем ты говоришь, по такой-то грязи! Да на тебя взглянуть будет страшно, когда доберешься.

– Я вполне смогу взглянуть на Джейн, а больше ничего и не требуется.

– Ты намекаешь, Лиззи, что мне следует послать за упряжными? – спросил ее отец.

– Нет, честное слово. Мне ни к чему отказываться от прогулки. Расстояние – ничто, когда есть побуждение; всего каких-то три мили. Я вернусь к обеду.

– Я восхищаюсь деятельностью твоего добросердечия, – отметила Мэри, – однако всякий порыв следует направлять разумом, и, на мой взгляд, усилья всегда надлежит соотносить с потребностью в таковых.

– Мы дойдем с тобою до Меритона, – сказали Кэтрин и Лидия. Элизабет согласилась, и три сестры вместе отправились в путь.

– Коли поторопимся, – сказала Лидия по дороге, – может, застанем капитана Картера, пока он не уехал.

В Меритоне они расстались: младшие устремились к обиталищу одной из офицерских жен, а Элизабет в одиночестве зашагала дальше, торопливо минуя поле за полем, прыгая через перелазы и бодро перескакивая лужи, и наконец очутилась вблизи дома – лодыжки ноют, чулки замараны, а лицо покраснелось от беготни.

Ее проводили в утреннюю столовую, где собрались все, кроме Джейн, и где наружность госты вызвала немалое удивление. Г-же Хёрст и юной г-же Бингли представлялось почти невероятным, что Элизабет пришлось спозаранку пройти три мили по такой слякоти, и Элизабет не сомневалась, что сестры ее за это презирают. Впрочем, они приняли ее весьма любезно, а в поведении их брата сквозило нечто получше любезности – сердечность и доброта. Г-н Дарси не сказал почти ни слова, а г-н Хёрст – и вовсе ничего. Первого раздирали восхищение сияньем, коим наделила г-жу Элизабет Беннет прогулка, и сомненья, достаточен ли повод для того, чтобы она прибыла из такой дали и в одиночестве. Второй же помышлял только о завтраке.

Элизабет спросила о сестре, и ответы не слишком ее обнадежили. Джейн дурно спала и, хотя проснулась, охвачена лихорадкой и не в силах выйти из комнаты. К радости Элизабет, ее препроводили к сестре тотчас; а Джейн, кою лишь страх встревожить или стеснить удержал от сообщения в записке, как жаждет она подобного визита, при появлении сестры пришла в восторг. Она, впрочем, была не в силах беседовать и, когда юная г-жа Бингли их оставила, смогла разве только выразить благодарность за столь замечательную доброту, кою ей здесь явили. Элизабет ухаживала за нею молча.

Позавтракав, в комнату явились сестры, и Элизабет стала проникаться к ним симпатией, видя, сколько нежности и заботы выказывают они Джейн. Прибыл аптекарь и, обследовав пациентку, сообщил, как и предполагалось, что та подхватила сильнейшую простуду и нужно попытаться оную одолеть; посоветовал Джейн вернуться в постель и посулил микстур. Совету его Джейн вняла охотно, ибо лихорадка обострилась, а голова ужасно болела. Элизабет ни на миг не оставляла сестру, и прочие дамы тоже надолго не отлучались; джентльмены уехали, и дамам все одно нечем было заняться.

Когда пробило три, Элизабет почувствовала, что пора уезжать, и весьма неохотно о сем объявила. Юная г-жа Бингли предложила ей экипаж, и Элизабет ждала только, чтобы хозяйка на сем настояла, но тут Джейн явила такое расстройство при расставании с сестрою, что юная г-жа Бингли вынуждена была обратить свое предложение экипажа в приглашение на время остаться в Незерфилде. Элизабет с великой благодарностью согласилась, и в Лонгборн отправился слуга, коему надлежало оповестить семейство о задержке и доставить в Незерфилд одежду.

Глава VIII

В пять часов две дамы отбыли переодеться, а в половине седьмого Элизабет позвали к ужину. В ответ на поток вежливых вопросов – в коем она с удовольствием отметила ощутимо превосходящее всех прочих беспокойство г-на Бингли – обнадежить собрание она особо не могла. Джейн ни капли не полегчало. Сестры, услышав сие, трижды или четырежды повторили, как они опечалены, какой это ужас – сильно простудиться и как чрезвычайно не любят болеть они сами, а затем выкинули Джейн из головы; их равнодушие к Джейн, отсутствующей непосредственно пред их взором, вернуло Элизабет радости прежней ее антипатии.

Брат же их был единственным в собрании, кого она в силах была созерцать с каким-либо удовольствием. Его тревога за Джейн была очевидною, его внимание к Элизабет – весьма приятным, и его участие дозволяло ей не ощущать себя незваной гостьей, каковой ее, по видимости, почитали все прочие. За вычетом г-на Бингли, особо никто не обращал на нее вниманья. Юная г-жа Бингли была поглощена г-ном Дарси, ее сестра почти не отставала от нее; что же до г-на Хёрста, рядом с которым сидела Элизабет, то был вялый человек, кой жил исключительно ради пищи, выпивки и карточных игр и коему, по выяснении, что Элизабет любому рагу предпочитает простые блюда, оказалось более нечего ей сказать.

Когда ужин завершился, она тотчас вернулась к Джейн; юная г-жа Бингли принялась оскорблять гостью, едва та вышла из комнаты. Манеры ее провозглашены были весьма дурными, смесью гордости и дерзости, она не умела поддержать беседу, лишена была стилия, вкуса, красоты. Г-жа Хёрст разделяла сие мнение и добавила своего:

– Говоря коротко, она лишена всяких приятных качеств, за исключением дара к ходьбе. Никогда не забуду, какой она заявила нынче с утра. Прямо дикарка.

– В самом деле, Луиза. Я еле сдерживалась. И вообще, какой нелепый визит! Отчего она должна скакать по округе, если ее сестра простудилась? Волосы в беспорядке, всклокочены невозможно!

– Вот именно, да еще нижняя юбка – надеюсь, ты заметила ее нижнюю юбку: дюймов на шесть в грязи, не меньше; а платье, одернутое, чтоб сие скрывать, своей службы отнюдь не сослужило.

– Твой портрет, возможно, очень точен, Луиза, – сказал Бингли, – однако ничего такого я вовсе не заметил. Мне показалось, нынче утром госпожа Элизабет Беннет выглядела превосходно. Ее грязная нижняя юбка совершенно ускользнула от моего вниманья.

– *Вы-то* сие, конечно, заметили, господин Дарси, – сказала юная г-жа Бингли, – и, я склонна предположить, вы не пожелали бы, чтоб *ваша сестра* предъявила нашим взорам такую картину.

– Бесспорно.

– Пройти три, четыре, пять или сколько там миль по щиколотку в грязи, да к тому же одной, совершенно одной! Что это ей вздумалось? Мнится мне, сие являет самодовольную независимость гадкого сорта, весьма провинциальное равнодушие к приличьям.

– Скорее любовь к сестре, а сие весьма приятно, – возразил Бингли.

– Боюсь, господин Дарси, – полушепотом отметила юная г-жа Бингли, – такое приключение немало утишило ваши восторги пред ее прекрасными очами.

– Отнюдь нет, – отвечив тот, – после прогулки они сияли.

За сей репликою последовала краткая пауза, а потом г-жа Хёрст заговорила вновь:

– Я чрезвычайно привязана к Джейн Беннет, она очень славная девушка, и я всем сердцем желаю ей счастья. Но с такими отцом и матерью, с такими родственниками, боюсь, надежды у нее нет.

– Кажется, ты говорила, что дядя ее – поверенный в Меритоне?

– Да, и у них имеется еще один, который живет где-то в окрестностях Чипсайда⁶.

– Отменно, – прибавила ее сестра, и обе от души расхохотались.

– Даже будь у них достаточно дядьев, чтоб заполнить *весь* Чипсайд, – вскричал Бингли, – сие не сделало бы их ни граном неприятнее.

– Но сие весьма ощутимо уменьшает их шансы выйти за хоть сколько-нибудь уважаемых людей, – отвечал Дарси.

На это замечанье Бингли не откликнулся, однако же сестры его от всей души согласились и еще некоторое время предавались веселью касательно вульгарных родственников своей дорогой подруги.

С возрожденною нежностью они, впрочем, отбыли из столовой к ней в комнату, где и просидели, пока их не позвали пить кофе. Джейн по-прежнему недужилось, и Элизабет не оставляла ее ни на минуту до самого вечера, когда, утешившись тем, что сестра заснула, Элизабет сочла скорее приличествующим, нежели приятным, сойти к собранью. В гостиной все присутствующие сидели за мушкой и тут же пригласили Элизабет присоединиться; однако, подозревая, что ставки высоки, она отказалась и, сославшись на состоянье сестры, пояснила, что спустилась ненадолго и пока займет себя книгою. Г-н Хёрст воззрился на нее в изумленье.

– Вы предпочитаете чтение картам? – осведомился он. – Сие весьма исключительно.

– Госпожа Элайза Беннет, – пояснила юная г-жа Бингли, – карты презирает. Она великая чтица и ни в чем более не находит радости.

– Я не заслуживаю ни подобного комплимента, ни подобного упрека, – возразила Элизабет. – Я вовсе *не* великая чтица и радуюсь многому.

– Вы, безусловно, с радостью ухаживаете за сестрой, – сказал Бингли, – и, я надеюсь, радость ваша умножится при виде ее выздоровленья.

Элизабет от души поблагодарила его и направилась к столу, где лежали несколько томиков. Бингли тут же предложил доставить ей другие – все, какие дозволит его библиотека.

– Ради вас и себя я желал бы, чтоб коллекция моя была обширнее, однако я человек праздный, и хотя книг у меня немного, их больше, нежели я когда-либо открывал.

Элизабет заверила его, что ей прекрасно подойдут те, что уже нашлись в комнате.

– Поразительно, – сказала юная г-жа Бингли, – что мой отец оставил столь скудную библиотеку. Какая прекрасная библиотека у вас в Пемберли, господин Дарси!

– Ей надлежит такую быть, – отвечал тот. – Ее собирали многие поколения.

– И вы немало к ней прибавили – вы вечно приобретаете книги.

– Мне непостижимо пренебреженье к семейной библиотеке в наше время.

– Пренебреженье! Вы, разумеется, не пренебрегаете ничем, что способно добавить красоты вашему благородному дому. Чарлз, когда у тебя будет *свой* дом, хорошо бы ему оказаться хоть вполовину столь же восхитительным, как Пемберли.

– Было бы неплохо.

– В самом деле, я бы советовала тебе приобрести дом поблизости и полагать Пемберли образцом. Нет в Англии графства благороднее Дербишира.

– От всей души соглашусь; я бы купил Пемберли, если б Дарси его продал.

– Я говорю о том, что поистине возможно, Чарлз.

– Клянусь честью, Кэролайн, легче приобрести Пемберли покупкою, нежели подделкою.

Элизабет так захватила сия беседа, что книга почти начисто лишилась ее вниманья; вскоре, вовсе ее отложив, Элизабет подседа ближе к карточному столу меж г-ном Бингли и его старшей сестрою, дабы наблюдать за игрой.

⁶ Чипсайд – улица в историческом центре Лондона, где в Средние века располагался рынок; в описываемые времена – район в основном деловой, по каковой причине аристократическими семьями полагавшийся малопрестижным.

– Сильно ли выросла юная госпожа Дарси с весны? – спросила юная г-жа Бингли. – Она будет высокой, как я?

– Пожалуй. Сейчас она ростом примерно с госпожу Элизабет Беннет или даже выше.

– Как хочется мне с нею повидаться! В жизни не встречала человека восхитительнее. Какая наружность, какие манеры! и сколь образованна для своего возраста! Как изысканно играет на фортепьяно!

– Удивительно, – заметил г-н Бингли, – как молодым дамам хватает терпенья – все они столь многогранно образованны.

– Все молодые дамы образованны! Дорогой мой Чарлз, что ты под сим разумеешь?

– Да, полагаю, все. Все они расписывают столешницы, выдвывают ширмы и вяжут кошельки. Едва ли я знаю хоть одну даму, ко всему этому не способную, и совершенно точно ни единожды не слышал, чтоб о даме заговорили впервые и не сообщили притом, что она весьма образованна.

– Ваш список общераспространенных пределов образования чрезмерно близок к истине, – отвечал Дарси. – Словом сим определяются многие женщины, кои заслужили его лишь вязаньем кошельков и выдвываньем ширм, не более. Но я отнюдь не готов согласиться с вашей оценкою дам вообще. Не могу похвастаться, что средь всех моих знакомиц найдется более полудюжины воистину образованных.

– Вот именно, я тоже, – прибавила юная г-жа Бингли.

– Стало быть, – отметила Элизабет, – под образованием женщины вы, вероятно, разумеете немало.

– Я в самом деле разумею под сим немало.

– Ну еще бы! – вскричала его верная единомышленница. – Невозможно полагать воистину образованным человека, кой существенно не затмевает обыкновенных достижений. Чтобы почитаться образованной, женщина должна уметь блестяще музицировать, петь, рисовать, танцевать, а также владеть современными языками, а кроме того, ей надлежит обладать некоей особостью наружности и походки, манер и речи – или же оценка сия будет заслужена лишь наполовину.

– Все это ей потребно, – прибавил Дарси, – а равно ей надлежит дополнить сие важной сущью, обильным чтеньем развивая свой ум.

– Я более не удивляюсь, что вы знакомы *всего* с шестью образованными дамами. Я скорее дивлюсь тому, что вы знакомы с такими *вообще*.

– Ужель вы столь суровы к своему полу, что сомневаетесь в возможности сего?

– Я таких женщин никогда не встречала. Я никогда не наблюдала единства способностей, вкуса и прилежанья, кои вы описываете.

Протестуя против сих неявных сомнений, г-жа Хёрст и юная г-жа Бингли хором вскричали, что знают немало дам, отвечающих подобному описанию, но тут г-н Хёрст призвал их к порядку, горько сетуя на их невниманье к происходящему за столом. Поскольку беседа тем самым подошла к концу, Элизабет вскоре покинула гостиную.

– Элайза Беннет, – заметила юная г-жа Бингли, едва за гостью закрылась дверь, – из тех юных дам, кои тщатся понравиться противоположному полу, принижая свой собственный, и со многими мужчинами, хочу заметить, добиваются успеха. На мой же взгляд, метода сия ничтожна – весьма вульгарная уловка.

– Несомненно, – отвечал Дарси, коему главным образом и адресовалось это замечанье, – вульгарность присутствует во всех уловках, до коих дамы опускаются порою, дабы пленить мужчину. Презренно все, что отдает коварством.

Подобный ответ не вполне удовлетворил юную г-жу Бингли, что не позволило ей развить тему.

Элизабет вновь появилась среди них, дабы сообщить лишь, что Джейн стало хуже и отойти от нее невозможно. Бингли предложил немедля послать за г-ном Джоунзом, а сестры его, убежденные, что от провинциальных советов толку не будет, рекомендовали отправить посыльного в город за весьма прославленным лекарем. Об этом Элизабет не желала и слышать, однако к предложению их брата отнеслась благосклоннее; уговорено было, что, если юная г-жа Беннет существенно не поправится, за г-ном Джоунзом пошлют рано утром. Бингли немало переживал, сестры его утверждали, что убиты. Они, впрочем, утишили свои горести дуэтами после ужина; брат же их не нашел лучшего облегчения своим страданиям, нежели велеть экономке уделять больной даме и ее сестре все возможное внимание.

Глава IX

Почти всю ночь Элизабет провела у сестры в спальне и с утра, к своему удовольствию, смогла сносно ответить на вопросы, кои спозаранку были переданы г-ном Бингли через служанку, а через некоторое время поступили от двух изысканных дам, прислуживавших его сестрам. Впрочем, невзирая на улучшение, Элизабет попросила отослать записку в Лонгборн, дабы мать навестила Джейн и сама составила мнение. Записка была послана тотчас, и суть ее немедленно приняли к сведению. Г-жа Беннет, сопровождаемая двумя младшими дочерьми, прибыла в Незерфилд вскоре после завтрака.

Г-жа Беннет горевала бы, обнаружь она Джейн в явной опасности; однако, навестив дочь и утешившись тем, что недуг той не внушает опасений, она не желала Джейн скорейшего выздоровления, ибо таковое, по вероятию, удалило бы дочь из Незерфилда. Оттого г-жа Беннет и слушать не желала Джейн, молившую отправить ее домой; аптекарь, явившийся примерно тогда же, равно полагал, что уезжать нецелесообразно. Мать и три дочери посидели с Джейн, а затем по приглашенью юной г-жи Бингли сопроводили последнюю в утреннюю столовую. Бингли приветствовал их надеждами, что г-жа Беннет не обнаружила юную г-жу Беннет в состояньи худшем, нежели ожидала.

– В таком состояньи я ее и обнаружила, – последовал ответ. – Она слишком больна, чтоб ей переезжать. Господин Джоунз говорит, и думать нечего ее перевозить. Мы вынуждены будем еще некоторое время злоупотреблять вашей добротой.

– Перевозить! – вскричал Бингли. – И думать нечего. Я уверен, моя сестра воспротивится ее отъезду.

– Можете не сомневаться, сударыня, – с холодной любезностью молвила юная г-жа Бингли, – что, оставаясь с нами, дочь ваша получит все необходимое ей вниманье.

Г-жа Беннет велеречиво излила свою благодарность.

– Разумеется, – прибавила она, – кабы не столь добрые друзья, уж и не знаю, что бы с нею сталось; она и впрямь серьезно больна и жуть как страдает, хоть и кротка аки голубица – с нею вечно так, столь милого нрава я не встречала за всю жизнь. Всегда говорю остальным девочкам, что с *нею* они и в сравненье не идут. Славная у вас тут комната, господин Бингли, и очаровательный вид на дорожку. Уж и не знаю поместья в округе, равного Незерфилду. Вы же, надеюсь, не собираетесь в спешке отбыть, хоть и арендовали его ненадолго.

– Я вообще все делаю в спешке, – ответил тот, – а потому, если вознамерюсь оставить Незерфилд, отбуду, вероятно, через пять минут. Покуда же, впрочем, я полагаю, что прочно тут осел.

– Сего я от вас и ожидала, – отметила Элизабет.

– Вы начинаете меня постигать, а? – вскричал он, обернувшись к ней.

– О да – я вас понимаю совершенно.

– Хотел бы я счесть сие комплиментом; боюсь, однако, сие жалкая участь – быть столь прозрачным.

– Так оно всегда и бывает. Глубокий, сложный характер совершенно необязательно более или менее достоин уваженья, нежели тот, что подобен вашему.

– Лиззи! – возмутилась ее мать. – Не забывай, где находишься, и брось эти вольности, кои тебе позволительны дома.

– Я и не знал, – тут же продолжал Бингли, – что вы изучаете нравы. Занимательные, должно быть, изысканья.

– Воистину, однако сложные характеры занимательнее *всех*. Они располагают хотя бы сим преимуществом.

– Провинция, – вмешался Дарси, – обыкновенно редко в силах подарить предметы для подобных изысканий. Общество в провинции крайне ограничено и однообразно.

– Однако люди так меняются, что в них вечно обнаруживаешь нечто новое.

– И в самом деле, – возмутилась г-жа Беннет, оскорбленная тоном, коим он помянул провинцию. – Уверю вас, *такого* здесь творится не меньше, нежели в городе.

Все собрание немало удивилось; на мгновенье Дарси воззрился на нее, затем молча отвернулся. Г-жа Беннет, решившая, будто одержала над ним верх, вознамерилась закрепить свой триумф.

– Лично я не вижу, чем Лондон превосходит провинцию, если не считать лавок и общественных зданий. Провинция жуть насколько милее, правда, господин Бингли?

– Когда я в провинции, – отвечал тот, – мне хочется остаться здесь навсегда; примерно то же происходит со мною в городе. У провинции и города имеются свои преимущества, и я равно счастлив и здесь, и там.

– Да-с – это потому что у вас характер подходящий. Но сей джентльмен, – глядя на Дарси, – похоже, вовсе не ценит провинцию.

– Ну честное слово, мамá, вы заблуждаетесь, – вмешалась Элизабет, краснея за мать. – Вы неверно поняли г-на Дарси. Он разумел лишь, что в провинции не встречаешь такого разнообразья людей, как в городе, – согласитесь, это правда.

– Разумеется, дорогуша, никто сего и не говорит; что же до разнообразья, полагаю, с нашим графством немногие сравняются. Я знаю, что мы обедали с двадцатью четырьмя семействами.

Лишь забота об Элизабет позволила Бингли сохранить невозмутимость. Сестра его явила меньше такта и с весьма выразительной улыбкою устремила взор на г-на Дарси. Элизабет, желая отвлечь мать от обсуждаемой темы, спросила, заходила ли без нее в Лонгборн Шарлотта Лукас.

– А как же – вчера была с отцом. Какой прелестный человек сэр Уильям – правда, господин Бингли? Какой светский! Какое благородство, какая непринужденность! Для каждого находит слова. Вот, по моему мнению, что такое хорошее воспитанье, а персоны, кои полагают себя страшно важными и рта притом не открывают, сильно ошибаются на сей счет.

– Шарлотта обедала с вами?

– Нет, ушла домой. Мне помстилось, ей надобно было проследить за пирогами. Лично я, господин Бингли, всегда держу слуг, которые умеют выполнять свою работу; *мои* дочери воспитаны иначе. Но всяк сам себе судья, а у Лукасов замечательные девочки, уверю вас. Жалко, что некрасивые! Не то чтоб я думала, будто Шарлотта *совсем уж* дурнушка, – но она ведь наша близкая подруга.

– Мне она показалась очень приятной молодой дамою, – отвечал Бингли.

– Ой, ну конечно – однако согласитесь, она довольно невзрачна. Леди Лукас и сама об этом часто говорит, завидует мне, что Джейн такая красотка. Не хочу хвастать собственным ребенком, но Джейн – редко встретишь кого красивее. Все так говорят. Я-то что, я пристрастна. Когда ей минуло всего пятнадцать, один джентльмен в городе, у моего брата Гарднера, так ее полюбил, что невестка моя думала, он Джейн руку и сердце предложит еще до нашего отъезда. Но он тем не менее же ничего такого не сделал. Наверное, решил, что она слишком молода. Впрочем, он написал ей стихи – да еще какие красивые.

– Чем привязанность его и завершилась, – нетерпеливо вмешалась Элизабет. – Сколько нежных чувств преодолены были подобным манером. Интересно, кто первым открыл, сколь могущественна поэзия в изгнании любви!

– Я всегда полагал, что поэзия – *пицца* для любви, – заметил Дарси.

– Благородной, крепкой, здоровой любви – возможно. Сильному все на пользу. Но я убеждена, что легкую, хилую склонность добрый сонет заморит до смерти.

Дарси лишь улыбнулся; в воцарившемся молчании Элизабет страшилась, как бы мать не явила свою ограниченность снова. Элизабет жаждала заговорить, но в голову ничего не приходило; после краткой паузы г-жа Беннет вновь принялась благодарить г-на Бингли за доброту к Джейн и извиняться за то, что свалила ему на голову еще и Лиззи. Г-н Бингли отвечал с неподдельной любезностью и младшую сестру свою также понудил любезно высказать все, что полагается к случаю. Та сыграла свою роль не слишком обходительно, однако г-жа Беннет была удовлетворена и вскоре велела подогнать экипаж. По этому сигналу вперед выступили две ее младшие дочери. Весь визит девочки перешептывались и в результате порешили, что младшей надлежит припомнить г-ну Бингли данное им сразу по приезде обещанье устроить в Незерфилде бал.

Лидия была крепкой высокой девочкой пятнадцати лет, цветом лица прекрасна, обликом добродушна – любимица матери, чья нежность рано вывела дочь в общество. Лидия обладала жизнерадостностью и некоей природной самоуверенностью, каковую вниманье офицеров, коих расположили к Лидии вкусные обеды ее дядюшки и ее собственная непринужденность, обратило в нахальство. Оттого Лидия весьма невозмутимо спросила г-на Бингли о бале и резко напомнила о его обещании, прибавив, что не сдержать слово будет наиприскорбнейшим в мире поступком. Ответ Бингли на сию внезапную атаку усладил уши г-жи Беннет:

– Уверяю вас, я готов хоть сейчас выполнить обещанное, и, когда ваша сестра поправится, можете назвать любой день. Но вы вряд ли пожелаете танцевать, пока она болеет.

Лидия объявила, что вполне удовлетворена:

– О да, гораздо лучше дожидаться, пока Джейн станет лучше, – капитан Картер, скорее всего, как раз вернется в Меритон. – А когда вы дадите *свой* бал, – прибавила она, – я буду настаивать, чтоб они дали свой. Скажу полковнику Форстеру, что будет весьма жаль, коли он сего не устроит.

Засим г-жа Беннет с дочерьми отбыли, а Элизабет тотчас вернулась к Джейн, оставив свое поведение и манеры своих родных на потребу злым языкам сестер Бингли и г-на Дарси; последнего, впрочем, так и не удалось принудить к порицанию Элизабет, невзирая на все остроты юной г-жи Бингли касательно *прекрасных очей*.

Глава X

День миновал манером, сходным с днем накануне. Г-жа Хёрст и юная г-жа Бингли несколько часов провели у постели болящей, каковая, хоть и медленно, поправлялась; вечером же Элизабет присоединилась к собранью в гостиной. Карточный столик, впрочем, не возник. Г-н Дарси писал, а юная г-жа Бингли, сидя подле него, наблюдала за продвижением его письма и то и дело взывала к его вниманью, передавая посланья его сестре. Г-н Хёрст и г-н Бингли составили партию в пикет, а г-жа Хёрст наблюдала за их игрою.

Элизабет углубилась в рукоделье и удовлетворительным образом развлекалась, наблюдая за тем, что происходило меж Дарси и его соседкою. Беспрестанные похвалы дамы касательно его почерка, ровности строк или длины письма в сочетании с решительным безразличием, кое встречало сии комплименты, образовывали любопытный диалог и совершенно гармонировали с мнением Элизабет относительно обоих.

– Как обрадуется такому письму юная госпожа Дарси! Г-н Дарси не отвечал.

– Вы необычайно быстро пишете.

– Вы ошибаетесь. Я пишу довольно неторопливо.

– Сколько писем вам, должно быть, приходится писать за год! Да еще деловая корреспонденция! Сколь сие, вероятно, скучно!

– Стало быть, возблагодарим судьбу за то, что они – мой удел, но не ваш.

– Прошу вас, передайте сестре, что я жажду с нею увидеться.

– По вашей просьбе я ей уже сие сообщил.

– Боюсь, вам не нравится ваше перо. Позвольте его заточить. Я замечательно точу перья.

– Благодарю вас, я всегда точу себе перья сам.

– Как вы умудряетесь писать столь ровно?

Нет ответа.

– Передайте сестре, как я рада узнать, что ее обучение игре на арфе продвигается, и, прошу вас, скажите ей, что я просто в восторге от ее восхитительного узора для столешницы – на мой взгляд, он бесконечно превосходит тот, что придумала юная госпожа Грэнтли.

– Вы позволите передать ваши восторги в следующем письме? Ныне у меня не осталось места, чтобы отдать им должное.

– Ах, сие совершенно не важно. Мы с нею увидимся в январе. Неужто вы всякий раз пишете ей столь очаровательные длинные письма, господин Дарси?

– Обыкновенно они длинны, однако не мне судить, очаровательны ли.

– По моему убеждению, человек, способный написать длинное письмо, не может писать дурно.

– Сие не сойдет за комплимент Дарси, Кэролайн, – заметил ее брат, – поскольку он *не* пишет с легкостью. Он чересчур подолгу подбирает длинные слова. Не так ли, Дарси?

– Мой стиль письма немало отличен от вашего.

– О! – вскричала юная г-жа Бингли. – Чарлз пишет с небрежностью несказанной. Половину слов пропускает, а остальную марает кляксами.

– У меня мысли текут так быстро, что я не успеваю их выразить – и посему письма мои временами вовсе не сообщают адресатам никаких мыслей.

– Ваше самоуничижение, господин Бингли, – сказала Элизабет, – обезоруживает упрек.

– Нет ничего обманчивее, – молвил Дарси, – личины самоуничижения. Чаще всего сие лишь небрежность мненья, а порою – окольное чванство.

– И которым из двух вы назовете *мой* припадок скромности?

– Окольным чванством – в действительности вы поистине гордитесь недостатками своего письма, ибо полагаете их следствием умственной резвости и пренебреженья к форме, каковые

почитаете если не выдающимися, то, во всяком случае, крайне интересными. Уменье делать что бы то ни было с быстротою зачастую восхваляемо обладателем сего качества, кой нередко закрывает глаза на недостатки исполненья. Когда нынче утром вы сказали г-же Беннет, что, если вознамеритесь уехать, свершите сие через пять минут, вы желали высказать себе панегирик, комплимент – хотя что такого похвального в опрометчивости, коя оставляет незавершенными необходимейшие дела и не может явиться достоинством – ни вашим, ни кого угодно?

– Нет уж! – вскричал Бингли. – Под вечер помнить все глупости, изреченные с утра, – это чересчур. И все же, честное слово, я полагал, что сказал правду, и верю в нее теперь. Посему я хотя бы не прикидывался излишне опрометчивым, исключительно дабы выгодно покрасоваться перед дамами.

– Да, вы в это верили; но я никоим образом не убежден, что вы отбыли бы с подобной стремительностью. Поведенье ваше зависело бы от случайности не меньше, нежели поведенье любого; и если, когда вы сядились бы в седло, друг сказал бы вам: «Бингли, оставайтесь-ка до будущей недели», – вы бы, вероятно, остались, вы бы не уехали – а впоследствии, будь произнесена соответствующая просьба, задержались бы и на месяц.

– Сим вы лишь доказали, – вмешалась Элизабет, – что господин Бингли к себе несправедлив. Вы представили его выгоднее, нежели он сам.

– Я крайне признателен, – сказал Бингли, – за то, что вы, по доброте вашей, обратили слова моего друга в комплимент. Но, боюсь, вы трактуете их манером, коего сей джентльмен отнюдь не подразумевал; ибо он, разумеется, думал бы обо мне лучше, если бы в подобных обстоятельствах я сухо отказался и ускакал во весь опор.

– Значит, господин Дарси полагает, что безрассудность вашего намеренья искупилась бы вашим упрямством?

– Честное слово, не могу толком объяснить – пусть Дарси говорит сам за себя.

– Вы ожидаете, что я буду защищать мненья, кои вам предпочтительно считать моими, но кои я вовсе не присваивал. Однако же, если допустить, что толкованье ваше верно, не забывайте, госпожа Беннет, что друг, вроде бы желающий его возвращенья в дом и отсрочки планов, лишь пожелал сего, попросил, не выдвинув ни единого резона в пользу разумности сего желанья.

– С готовностью – с легкостью – поддаться дружеским *уговорам*? В чем же тут, по вашему, заслуга?

– Поддаться без убежденности? Сие не есть заслуга ума обоих.

– Сдается мне, господин Дарси, вы совершенно упускаете влиянье дружбы и привязанности. Расположенье к просящему нередко заставляет человека с готовностью выполнять просьбу, не ожидая, пока его склонят к сему резону. Я говорю не именно о положеньи, кое вы сочинили для господина Бингли. Пожалуй, мы вполне можем подождать, пока представится случай, а затем уж обсудим, благоразумно ли господин Бингли себя повел. Но в целом, в повседневном общеньи друга с другом, когда один желает, чтобы другой переменял не слишком важное решенье, станете ли вы дурно думать о человеке, если он потакает сему желанью, не ожидая бремени резоннов?

– Быть может, прежде чем мы продолжим обсужденье, разумнее было бы точнее договориться о степени важности, каковая на эту просьбу возложена, а равно о степени близости меж сторонами?

– О, прошу вас, – встрял Бингли, – не упускайте ни единой подробности, включая их рост и комплекцию, ибо сие, госпожа Беннет, может оказаться резонном весомее, нежели вы в силах догадаться. Уверяю вас, не будь Дарси столь высок в сравненьи со мною, я бы и вполнину его так не почитал. Я заявляю, что в определенных условиях и определенных местах не знаю существа страшнее Дарси – особенно в его собственном доме и воскресными вечерами, когда ему нечем заняться. Г-н Дарси улыбнулся, однако Элизабет почудилось, будто он немало оби-

жен, а потому она сдержала смех. Юная г-жа Бингли горячо вознегодовала на сие оскорбление, увещевая брата перестать болтать чепуху.

– Я понял, что вы задумали, Бингли, – молвил его друг. – Вы не любите споры и желаете завершить этот.

– Возможно. Споры чересчур напоминают ссоры. Если вы с госпожою Беннет воздержитесь от продолженья, пока я не уйду, я буду вам крайне признателен; а затем можете говорить обо мне, что вам заблагорассудится.

– То, о чем вы просите, – сказала Элизабет, – для меня вовсе не жертва, а господину Дарси лучше бы дописать письмо.

Г-н Дарси внял ее совету и письмо дописал.

Свершив сие деянье, он обратился к юной г-же Бингли и Элизабет с просьбою усладить слух присутствующих музыкой. Юная г-жа Бингли проворно устремила к фортепьяно и, вежливо предложив Элизабет выступить первой, каковое предложение та с равной вежливостью и весьма решительно отвергла, уселась за инструмент.

Г-жа Хёрст пела с сестрою, и пока они были подобным манером заняты, Элизабет, листая ноты, что лежали на фортепьяно, поневоле замечала, сколь часто устремляется к ней взор г-на Дарси. Она и вообразить не могла, что оказалась предметом восхищенья столь важного человека, и однако же глядеть на нее из неприязни было бы еще страннее. В конце концов, впрочем, она пришла к выводу, что привлекает его вниманье, ибо в ней есть нечто гораздо неправильнее и предосудительнее, согласно его представлениям о надлежащем, нежели в любом из присутствующих. Допущенье сие Элизабет не расстроило. Ей слишком мало нравился г-н Дарси, чтоб заботиться о его одобреньи.

Сыграв несколько итальянских песен, юная г-жа Бингли разнообразила репертуар бодрым шотландским напевом, и вскоре г-н Дарси, приблизившись к Элизабет, спросил:

– Что же, госпожа Беннет, не ощущаете ли вы неодолимой склонности воспользоваться сим шансом станцевать рил?

Она улыбнулась, однако не ответила. Несколько удивленный ее молчаньем, он повторил вопрос.

– Нет-нет, – сказала она, – я расслышала вас, просто не смогла тотчас придумать, что сказать в ответ. Вы, я знаю, хотели бы, чтоб я сказала «да», – вы бы тогда с радостью презирали мои вкусы; но я всегда с наслажденьем подрываю такие замыслы и обманом лишаю человека предумышленного пренебреженья. Так что я решила сообщить вам, что вовсе не желаю танцевать рил, – и теперь презирайте меня, если посмеете.

– Я, разумеется, не посмею.

Элизабет, коя рассчитывала его оскорбить, была поражена сей галантностью; однако смесь обаянья и лукавства толком не давали Элизабет оскорбить кого бы то ни было, а Дарси никогда прежде не бывал так заморожен ни одной женщиною. Он всерьез полагал, что, не будь ее родня столь вульгарна, ему отчасти грозила бы опасность.

Юная г-жа Бингли видела или же подозревала достаточно, чтобы ревновать, и ее нетерпеливое ожиданье выздоровления дорогой подруги Джейн отчасти подогревалось желаньем избавиться от Элизабет.

Нередко она пыталась разжечь в Дарси неприязнь к госте, беседуя с ним об их предполагаемом браке и планируя его счастье в подобном союзе.

– Надеюсь, – говорила она, когда на завтра они гуляли в леске, – когда желанное событие свершится, вы как-нибудь намекнете своей теще, что в ее интересах держать язык за зубами; и, если сие в ваших силах, молю вас, исцелите младших от беготни за офицерами. К тому же, если позволено мне упомянуть столь деликатную материю, старайтесь держать в узде сие нечто на грани зазнайства и дерзости, коим обладает ваша будущая супруга.

– Имеются ли у вас иные предложенья, кои усугубят мое семейное счастье?

– О, ну конечно! Пускай портреты ваших дяди и тети Филипс висят в галерее Пемберли. Повесьте их подле вашего двоюродного дедушки, судьи. Они, знаете ли, коллеги, хоть и различных судеб. Что же до портрета вашей Элизабет, не стоит и пытаться его написать, ибо какой художник в силах отдать должное сим прекрасным очам?

– Запечатлеть их выраженье и впрямь будет непросто, однако цвет, форму и замечательно длинные ресницы вполне возможно скопировать.

В этот миг с другой тропинки к ним приблизились г-жа Хёрст и сама Элизабет.

– Я и не знала, что вы собрались прогуляться, – сказала юная г-жа Бингли в некотором замешательстве, опасаясь, что их подслушали.

– Ты кошмарно с нами обошлась, – отвечала г-жа Хёрст. – Сбежала и не сказала, что намерена гулять.

Затем, уцепившись за свободный локоть г-на Дарси, она оставила Элизабет в одиночестве. На тропинке умещались только трое. Г-н Дарси уловил сию грубость и тотчас произнес:

– Эта дорожка для нас слишком узка. Перейдемте на аллею.

Но Элизабет, вовсе не желая гулять с ними, со смехом отвечала:

– Нет-нет, оставайтесь. Вы – очаровательное собрание, смотрите необычайно выгодно. Четвертый нарушит вашу живописность. До свиданья.

И она весело убежала, ликуя в надежде через день или два оказаться дома. Джейн уже настолько поправилась, что вечером намеревалась на пару часов выйти из комнаты.

Глава XI

Едва дамы удалились после обеда, Элизабет побежала к сестре и, удостоверившись, что та надежно защищена от холода, проводила ее в гостиную, где две подруги приветствовали Джейн, многоречиво повествуя о своем удовольствии; Элизабет никогда не видела их столь приятственными, как в тот час, что миновал до появления джентльменов. Дамы располагали немалыми способностями к беседе. Они умели с точностью описать развлечение, с юмором пересказать анекдот и с воодушевлением посмеяться над знакомцем.

Но как только вошли джентльмены, Джейн лишилась безраздельного вниманья. Глаза юной г-жи Бингли тотчас устремились к Дарси, и, не успев толком войти, ей уже понадобилось что-то ему сообщить. Дарси обратился к юной г-же Беннет с вежливым поздравленьем; г-н Хёрст тоже слегка поклонился и сказал, что «весьма рад», но велеречивость и теплота явили себя лишь в приветствии Бингли. Тот наполнился радостью и вниманьем. Первые полчаса он ворошил дрова в камине, дабы на Джейн не повлияла смена обстановки, и по его просьбе Джейн села по другую сторону от огня, подальше от двери. Затем он уселся подле нее и почти ни с кем более не говорил. Элизабет, рукодельничая в углу напротив, созерцала все это с немалым наслажденьем.

Когда завершилось чаепитие, г-н Хёрст напомнил свояченице о карточном столе – вотще. Юная г-жа Бингли прознала, что г-н Дарси не питает склонности играть, и вскоре даже открытое предложенье г-на Хёрста было отклонено. Юная г-жа Бингли заверила его, что играть никто не намеревается, и всеобщее молчанье сию гипотезу подтвердило. Г-н Хёрст растянулся на диване и уснул, ибо ему не оставалось ничего более. Дарси взял книгу, юная г-жа Бингли поступила так же, а г-жа Хёрст, занятая главным образом возней со своими браслетами и кольцами, то и дело вмешивалась в беседу брата с юной г-жою Беннет.

Вниманье юной г-жи Бингли было не менее захвачено наблюденьем за тем, как продвигается чтение г-на Дарси, нежели ее собственным чтеньем; она неустанно задавала г-ну Дарси вопросы или заглядывала на его страницу. Ей, впрочем, не удалось понудить его к какой бы то ни было беседе: он лишь отвечал на ее вопросы и читал дальше. В конце концов, немало измученная попытками развлечься книгою, каковую выбрала лишь потому, что сие был второй том книги г-на Дарси, юная г-жа Бингли слегка зевнула и изрекла:

– Как приятно проводить вечера подобным манером! Все-таки нет забавы, подобной чтению, вот что я вам скажу! Сколь быстро устаешь от всего прочего! Когда у меня будет собственный дом, я буду несчастна, если не устрою там великолепную библиотеку.

Никто ей не отвечал. Тогда она зевнула снова, отшвырнула книгу и взглядом заметалась по комнате, ища развлечений; услышав, как брат ее поминает своей визави о бале, юная г-жа Бингли внезапно обернулась к нему и сказала:

– Кстати, Чарлз, ты всерьез помышляешь устроить в Незерфилде танцы? Я бы тебе советовала, прежде чем ты решишь, спросить присутствующих; я сильно заблуждаюсь, если среди нас нет таких, для кого бал – скорее кара небесная, нежели удовольствие.

– Если ты о Дарси, – откликнулся ее брат, – он может, если ему угодно, отправляться в постель до начала; что же до бала, сие дело решенное – я разошлю приглашенья, как только Николс приготовит белого супу⁷.

⁷ Белый суп, он же «суп королевы» – блюдо, изначально готовившееся при дворе, а в описываемый период нередко подававшееся на больших приемах; варилось на телячьем или курином бульоне, в состав входили яичные желтки, сливки и миндаль.

– Я бы гораздо больше любила балы, – отвечала она, – если б они проходили иным манером, но обычное устройство подобного собрания отдает невыносимой скукою. Было бы существенно разумнее, будь на балах важнее беседа, а не танцы.

– Существенно разумнее, дорогая моя Кэролайн, не стану спорить, однако бала сие и отдаленно не напоминало бы.

Юная г-жа Бингли не отвечала; вскоре она поднялась и прошла по комнате. Фигурой сия дама была изящна, двигаться умела, однако Дарси, в коего юная г-жа Бингли целила, пребывал нестигаемо прилежен. В отчаяньи чувств она вознамерилась совершить еще одну попытку и, повернувшись к Элизабет, молвила:

– Госпожа Элайза Беннет, позвольте уговорить вас последовать моему примеру и пройти по комнате. Уверяю вас, сие весьма освежает, если долго сидеть, не меняя позы.

Элизабет удивилась, однако согласилась тотчас же. Не меньших успехов юная г-жа Бингли достигла и на подлинном фронте своей любезности: г-н Дарси поднял голову. Новизна подобного вниманья удивила его не меньше, нежели Элизабет, и он машинально закрыл книгу. Его тут же пригласили последовать примеру дам, однако он отказался, прибавив, что способен вообразить лишь два резона, кои заставили дам вместе гулять по комнате, и обоим его общество станет препною.

– О чем это он? – Юной г-же Бингли до смерти хотелось знать, что он понимает, и она спросила Элизабет, поняла ли та.

– Ничего не поняла, – был ответ, – но не сомневайтесь, он нарочно мучает нас, и наилучший способ его разочаровать – не задавать вопросов.

Юная г-жа Бингли, впрочем, не в силах была разочаровать г-на Дарси и посему настойчиво потребовала объяснения этих его двух резонов.

– Я совершенно не возражаю их пояснить, – отвечал он, едва она позволила ему раскрыть рот. – Вы избрали сию методу времяпрепровождения, поскольку либо тесно дружны и намерены обсудить свои секреты, либо же сознаете, сколь выигрышно смотрятся ваши фигуры при ходьбе; в первом случае мое присутствие вам помешает, во втором же мне гораздо сподручнее любоваться вами, сидя у камина.

– Ах! Как возмутительно! – вскричала юная г-жа Бингли. – В жизни не слыхала подобной гадости. Как мы накажем его за такие речи?

– Нет ничего проще, если вы к сему расположены, – отвечала Элизабет. – Мы все умеем терзать и карать друг друга. Дразните его – смейтесь над ним. Вы близко дружите, вы должны знать, как сие осуществить.

– Но честное же слово, я *не* знаю. Уверяю вас, *сему* близость моя меня пока не научила. Дразнить уравновешенность и разум! Нет-нет, полагаю, здесь он одержит верх. Что же до смеха, мы, с вашего дозволения, не выставим себя дурочками, смеясь без повода. Господин Дарси может себя поздравить.

– Над господином Дарси нельзя смеяться! – вскричала Элизабет. – Какое редкое достоинство – надеюсь, редким оно и пребудет, ибо *мне* было бы весьма прискорбно иметь много таких знакомых. Я обожаю смеяться.

– Госпожа Бингли, – молвил он, – чрезмерно меня превозносит. Мудрейшие, лучшие люди – нет, мудрейшие, лучшие их деянья могут быть представлены нелепыми персоной, для коей шутка – первейшая в жизни цель.

– Безусловно, – отвечала Элизабет, – такие люди есть, однако, надеюсь, я не из *них*. Мне хочется верить, что я никогда не смеялась над мудрым или добрым. Глупости и чепуха, капризы и бестолковость меня забавляют, не стану отрицать, и я смеюсь над ними, когда только могу. Их-то вы, однако, и лишены.

– Вероятно, сие никому не под силу. Но цель жизни моей – избегать тех слабостей, кои зачастую подвергают насмешкам сильный ум.

– К примеру, тщеславье и гордость.

– Тщеславье – и в самом деле слабость. Но гордость – где развит характер, гордость всегда обуздана.

Элизабет отвернулась, дабы скрыть улыбку.

– Надо полагать, ваше исследование господина Дарси окончено, – сказала юная г-жа Бингли. – Каков же результат?

– Я совершенно убедилась, что господин Дарси лишен недостатков. Он сам неприкрыто о сем заявляет.

– Нет, – отвечал Дарси. – Я не имею подобных притязаний. У меня достаточно изъянов, но, надеюсь, они не есть изъяны ума. За нрав свой я поручиться не смею. Мне представляется, он чересчур неуступчив – для удобства окружающих явно чересчур. Я не умею с надлежащей быстротою забывать чужие глупости и пороки, а равно нанесенные мне обиды. Чувства мои не гаснут при всякой попытке их погасить. Меня, пожалуй, следует назвать обидчивым. Если мое доброе мнение потеряно, оно потеряно навсегда.

– Вот *это* и впрямь недочет! – заметила Элизабет. – Незыблемое негодование в самом деле омрачает нрав. Но вы удачно выбрали недостаток. Я не могу над ним *смеяться*. Я ничем не угрожаю вам.

– Я считаю, в любом характере имеется склонность к особому злу, естественный изъян, коего не преодолеть и наилучшему воспитанью.

– И *ваш* изъян – пристрастие всех на свете ненавидеть.

– А ваш, – с улыбкою парировал он, – с умыслом всех понимать неверно.

– Помузицируемте! – вскричала юная г-жа Бингли, утомленная беседою, в коей не могла принять участия. – Луиза, надеюсь, ты не против, если мы разбудим господина Хёрста.

Ее сестра ни словом не возразила, крышку фортепьяно подняли, и Дарси, поразмыслив, не стал об этом жалеть. Он уже сознавал, сколь рискует, уделяя Элизабет чрезмерное вниманье.

Глава XII

По уговору меж сестрами, наутро Элизабет написала матери, умоляя нынче же прислать за ними экипаж. Впрочем, г-жа Беннет, полагавшая, что дочери ее останутся в Незерфилде до будущего вторника, что составит ровно неделю, не обнаружила в себе сил с радостью принять их ранее. Ответ ее, таким образом, был неблагоприятен – во всяком случае, желаньям Элизабет, коей не терпелось попасть домой. Г-жа Беннет сообщила, что им никак не получить экипаж до вторника, а в постскриптуме прибавила, что, если г-н Бингли и его сестры станут просить их задержаться, она с легкостью может их отпустить. Задержке же Элизабет решительно воспротивилась – и к тому же особо не ожидала, что их попросят; страшась к тому же, что их сочтут чересчур навязчивыми, она умолила Джейн немедля одолжить экипаж г-на Бингли, и в конце концов было уговорено, что следует упомянуть об их намерении покинуть Незерфилд нынче утром и попросить экипаж.

Беседа возбудила немало уверенений в беспокойстве, немало было сказано о том, как желают хозяева, чтобы гости остались хотя бы до завтра, и Джейн поддалась; отъезд, таким образом, отложился на день. Юная г-жа Бингли пожалела, что предложила им задержаться, ибо ревность ее и неприязнь к одной сестре ощутимо превосходили нежность к другой.

Хозяин дома искренне опечалился, узнав, что они отбудут так скоро, и не раз попытался уверить юную г-жу Беннет, что сие для нее небезопасно – она еще не вполне поправилась; Джейн, однако, чувствуя за собою правоту, явила твердость.

Г-на Дарси новость сия обрадовала – Элизабет и без того достаточно пробыла в Незерфилде. Она привлекала его больше, нежели ему нравилось; юная г-жа Бингли была нелюбезна с *нею*, а его дразнила сильнее обычного. Он принял мудрое решение за собою следить, дабы ничем не выдать своего восхищенья *теперь* и ничем не внушить Элизабет надежду, будто она в силах повлиять на его счастье; он сознавал, что, если подобная идея и была ей внушена, его поведение в последний день станет весомым инструментом подтвержденья таковой либо же сокрущенья. Верный своей цели, за всю субботу он еле молвил ей десяток слов, и хотя один раз они на полчаса остались наедине, весьма добросовестно применился к книге и на Элизабет даже не взглянул.

Расставанье, почти всем столь желанное, состоялось в воскресенье после утренней службы. Любезность юной г-жи Бингли к Элизабет под конец стремительно усугубилась, как и привязанность к Джейн, и, разлучаясь с гостями, заверив подругу в том, что видеть ее в Лонгборне или же Незерфилде – неизменная услада, и обняв ее с немалой нежностью, юная г-жа Бингли даже пожала руку Элизабет. Последняя оставила все общество в наиболее хорошем расположении духа.

Мать их приветствовала дома не слишком сердечно. Г-жа Беннет удивилась их прибытию, сочла, что они весьма дурно поступили, причинив такие неудобства, и не сомневалась, что Джейн вновь подхватит простуду. Отец же, выразив удовольствие весьма лаконично, был поистине рад их видеть – он сознавал, как важны они обе для семейного круга. В отсутствие Джейн и Элизабет вечерние беседы, за коими собиралось все семейство, во многом лишились живости и почти начисто – смысла.

Мэри, по обыкновению, пребывала погружена в изученье гармоний и человеческой природы, обрела новые выписки, достойные восхищенья, и новые изреченья заезженной морали, подлежащие выслушиванью. У Кэтрин и Лидии нашлись новости иного рода. Много случилось и многое было сказано в полку с прошедшей среды; несколько офицеров в эти дни обедали с их дядюшкой, одного рядового высекли, и взаправду намекалось, будто полковник Форстер намерен жениться.

Глава XIII

– Надеюсь, любезная моя, – молвил г-н Беннет супруге, когда наутро все собрались за завтраком, – вы сегодня заказали вкусный обед, ибо у меня имеются причины ожидать прибивленья к нашему семейному застолью.

– Это вы о ком, дорогуша? Я и не слыхала, что к нам кто-то прибудет, разве только Шарлотта Лукас заглянет, а я надеюсь, для нее *мои* обеды хороши. Вряд ли она часто видит такие дома.

– Человек, о коем я веду речь, – джентльмен и к тому же приезжий.

Глаза г-жи Беннет вспыхнули.

– Джентльмен, приезжий! Ну точно господин Бингли. Что же ты, Джейн, – и словечка не сказала, ах ты хитрюга! Ну, я, разумеется, буду весьма рада увидеть господина Бингли. Но господи боже, какая незадача – ни кусочка рыбы сегодня не достать. Лидия, милая, звони в колокольчик. Я тотчас же побеседую с Хилл.

– Сие *не* господин Бингли, – отметил ее супруг. – Сие человек, коего я за всю жизнь в глаза не видел.

Реплика возбудила общее изумленье, и г-н Беннет наслаждался потоком вопросов жены и пяти дочерей разом.

Некоторое время он развлекал себя их пытливостью, а затем пояснил:

– Около месяца назад я получил письмо – а недели две назад ответил, ибо счел, что дело довольно деликатное и требует безотлагательного вниманья. Письмо от моего кузена господина Коллинза, каковой, когда я умру, вполне может выселить вас из этого дома, едва ему подобное взбредет на ум.

– О боже мой! – вскричала его жена. – Я и слышать такое не могу. Умоляю, ничего не говорите об этом противном человеке. Что может быть тяжелее, чем отнять свое поместье у детей, и, будь я на вашем месте, я бы давно постаралась что-нибудь в этой связи предпринять.

Джейн и Элизабет попытались объяснить ей сущность майората. Они и прежде не раз сие предпринимали, однако в связи с этим предметом г-жа Беннет пребывала за пределами досягаемости разума и продолжала горько сетовать на подобную жестокость – отнять поместье у семейства с пятью дочерьми и отдать человеку, который всем решительно безразличен.

– Дело и впрямь весьма тератологическое, – изрек г-н Беннет, – и ничто не снимет с господина Коллинза вины за наследование Лонгборна. Однако, если вы выслушаете письмо, возможно, его манера выразаться отчасти вас смягчит.

– Нет уж, богом клянусь, не смягчит; и я считаю, с его стороны весьма дерзко вообще вам писать, и к тому же весьма лицемерно. Ненавижу фальшивых друзей. Отчего не мог он и далее ссориться с вами, как прежде поступал его отец?

– Более того, его, очевидно, даже грызет сыновняя совесть, как вы сейчас узнаете.

Хансфорд, возле Уэстерэма, Кент, октября 15-го

Многоуважаемый сударь,

Разногласья, бытовавшие меж Вами и моим ныне покойным достойным папенькой, неизменно доставляли мне беспокойство, и поскольку я имел несчастье лишиться отца, я нередко обуреваем был желаньем залатать разрыв, однако некоторое время пребывал сдерживаем собственными колебаниями, опасаясь, что быть в добрых отношениях с любим, с кем он всегда предпочитал быть в размолвке, окажется неуваженьем к его памяти.

– Вот оно как, госпожа Беннет.

Ныне же я решился, ибо после ординации на Пасху имел счастье быть отмеченным покровительством достопочтенной леди Кэтрин де Бёрг, вдовы сэра Льюиса де Бёрга, чьи щедрость и доброта одарили меня весьма ценной должностью священника сего прихода, где горячее мое устремление – вести себя с признательным благоговеньем пред ее светлостью и быть готовым осуществлять ритуалы и церемонии, установленные Англиканскою Церковью. Более того, будучи лицом духовного звания, я полагаю своим долгом поддерживать и внедрять благословенье мира во все семьи, кои пребывают в пределах моего влияния; и на сих основаниях я льщу себя надеждою, что нынешние мои заверенья в расположении достойны приятия, а Вы любезно простите мне то обстоятельство, что я унаследую поместье Лонгборн, и не отвергнете предложенную Вам оливковую ветвь. Я не могу не тревожиться из-за того, что стал инструментом причиненья боли Вашим милым дочерям, и молю позволить мне извиниться за сие, а равно уверить Вас в моей готовности исправить сие положение, как только возможно, – впрочем, об этом позже. Если Вы не против принять меня у себя дома, я предполагаю насладиться визитом к Вам и Вашей семье в понедельник, ноября 18-го, к четырем часам, а затем, вероятно, стану злоупотреблять Вашим гостеприимством до субботы на будущей неделе, что я способен осуществить без малейших неудобств, ибо леди Кэтрин отнюдь не возражает против моего отсутствия порою в воскресенье, при условии, что за всеми потребными ритуалами станет надзирать другой священник. Остаюсь, дражайший сударь, с уваженьем и восхищеньем к Вашей супруге и дочерям, желающий Вам всего наилучшего, Ваш друг

Уильям Коллинз.

– Итак, в четыре часа нам следует ожидать сего благородного миротворца, – молвил г-н Беннет, складывая письмо. – Поистине, он представляется мне весьма честным и вежливым молодым человеком и, я уверен, окажется очень ценным знакомцем, в особенности, если леди Кэтрин явит снисходительность к его будущим отлучкам к нам.

– В том, что он говорит о девочках, имеется некий смысл, и коли он вознамерился что-то исправить, уж я его отговаривать не стану.

– Трудно догадаться, – заметила Джейн, – что он понимает, говоря, будто возместит нам то, что нам, по его мнению, полагается; впрочем, подобное желанье, конечно, делает ему честь.

Элизабет в основном поразили его невероятное почтение к леди Кэтрин и его добрые намеренья крестить, женить и хоронить прихожан, когда бы сие ни потребовалось.

– По-моему, он какой-то чудаки, – сказала она. – Я не понимаю. В стиле его сквозит напыщенность. И что значит – извиниться за то, что он унаследует поместье? Вряд ли он изменил бы сие положение, если б мог. Здравый ли он человек, сударь?

– Нет, милая моя, полагаю, что нет. Я питаю роскошные надежды увидеть нечто прямо противоположное. В письме его мешаются раболепие и самодовольство, кои весьма многообещающи. Мне не терпится на него поглядеть.

– С точки зрения композиции, – изрекла Мэри, – письмо его мнится безупречным. Идея оливковой ветви, пожалуй, не вполне нова, однако, мне кажется, удачно выражена.

Для Кэтрин и Лидии ни письмо, ни его автор не составили ни малейшего интереса. Крайне маловероятно, что двоюродный их дядя явится в алом мундире, а девочки уже несколько недель не наслаждались обществом мужчин, наряженных в любые другие цвета. Что же до матери семейства, письмо г-на Коллинза по большей части рассеяло ее враждебность,

и г-жа Беннет готовилась принять его с самообладанием, коего степень изумляла ее супруга и дочерей.

Г-н Коллинз оказался пунктуален и был крайне любезно встречен всею семьей. Г-н Беннет помалкивал, однако дамы готовы были побеседовать, да и сам г-н Коллинз, похоже, не нуждался в понукании и к безмолвию не склонялся. Он был высоким, крупным молодым человеком двадцати пяти лет. От него веяло серьезностью и величавостью, а манеры его отличались крайней чопорностью. Едва присев, он похвалил г-жу Беннет за столь замечательных дочерей, сказал, что слышан об их красоте, однако в данном случае слава не отдает должное истине, и прибавил, что, несомненно, со временем г-жа Беннет увидит, как все они удачно устроятся в браке.

Подобная галантность не всем слушателям пришлась по вкусу, однако г-жа Беннет, не склонная спорить с комплиментами, ответила весьма охотно:

– Вы весьма добры, сударь, и я всем сердцем желаю, чтобы так оно и повернулось, ибо иначе они останутся совсем беспомощными. Все так странно складывается.

– Вы, вероятно, намекаете на майорат.

– Ах, сударь, на него-то я и намекаю. Столь печально это для моих бедных девочек, вы не можете не признать. Не то чтобы я попрекала *вас*, уж я-то знаю, подобные вещи – чистая случайность. Как явится этот майорат, и не поймешь, кому поместья отойдут.

– Я отчетливо сознаю, сударыня, затрудненья моих неотразимых племянниц и сказал бы больше, если б не опасался почудиться вам прямолинейным и безрассудным. Но могу заверить юных дам, что прибыл сюда, готовый ими восхищаться. В настоящий момент я более ничего не скажу, но, возможно, когда мы познакомимся ближе...

Его оборвал призыв к обеду, и девушки с улыбками переглянулись. Не они одни восхищались г-на Коллинза. Передняя, столовая и вся обстановка были тщательно обследованы и заслужили одобренья; похвалы гостя тронули бы сердце г-жи Беннет, если б не устрашающее предположенье, будто он зрит вокруг свою будущую собственность. Обед вызвал восхищенье в свой черед, и г-н Коллинз умолял сообщить ему, которой из его неотразимых племянниц стряпня обязана своею упоительностью. Но тут его призвала к порядку г-жа Беннет, с некоторой суровостью уведомившая гостя, что они вполне способны позволить себе хорошую кухарку и что дочерям ее нечего делать на кухне. Г-н Коллинз попросил прощенья за то, что досадил. Смягчив тон, г-жа Беннет объявила, что вовсе не обиделась, однако он извинялся еще около четверти часа.

Глава XIV

За обедом г-н Беннет едва ли молвил слово, но, когда слуги удалились, решил, что настало время побеседовать с гостем, а потому высказался на тему, коя, согласно его ожиданиям, заставит г-на Коллинза воссиять, – отметил, что, по видимости, тому сильно повезло с покровительницей. Вниманье леди Кэтрин де Бёрг к его желаньям и забота о его благополучьи представляются весьма замечательными. Г-н Беннет не мог найти лучшего предмета. В своих славословиях г-н Коллинз явил красноречье. Тема беседы вознесла его до непревзойденных высот торжественности, и с видом крайне величавым он возвестил, что никогда в жизни не наблюдал подобного поведения у титулованной особы и не встречал подобной приветливости и снисходительности, какие испытал от леди Кэтрин. Она великодушно оказала г-ну Коллинзу милость и одобрила обе его проповеди, кои он уже имел честь пред нею произнести. Также она дважды приглашала его отобедать в Розингсе и вот только в прошлую субботу послала за ним, дабы составить партию в три семерки. Многие его знакомцы полагают леди Кэтрин гордячкой, однако *ему* она являла одну только приветливость. Она неизменно беседует с ним, как беседовала бы с любым другим джентльменом, ни малейших возражений не выказала относительно его знакомства с местным обществом и редких его отлучек из прихода к родственникам на неделю-другую. Она даже снизошла до совета возможно скорее жениться при условии, что он явит благоразумие, выбирая супругу, а однажды посетила его скромное жилище, где полностью одобрила все перестановки, кои он совершил, и соизволила предложить некоторые самолично – полки в чуланах на втором этаже.

– Что ж, сие весьма добродетельно и любезно, – заметила г-жа Беннет, – и, смею заметить, она весьма приятная женщина. Жаль, что прочие знатные дамы обычно ей не уподобляются. Она живет поблизости от вас, сударь?

– Сад, где расположено скромное мое обиталище, лишь тропинкою отделен от Розингс-парка, резиденции ее светлости.

– Кажется, вы поминали, что она вдова, сударь? А семья у нее имеется?

– У нее одна дочь, наследница Розингса и весьма большого состоянья.

– Ах, – вскричала г-жа Беннет, качая головою, – стало быть, ей повезло более, нежели многим девушкам. И что она за барышня? Миловидна ли?

– Совершенно очаровательная юная дама. Леди Кэтрин говорит, что, с точки зрения подлинной красоты, юная госпожа де Бёрг намного превосходит обворожительнейших представительниц своего пола, ибо черты ее отмечены печатью, коя выдает девушку безупречного рождения. Увы, она обладает болезненной конституцией, коя не позволила ей многого достичь в образованьи, каковое в противном случае было бы ей подвластно без сомнений; сие мне известно от дамы, руководившей ее обученьем и по сей день проживающей вместе с ними. Но она крайне мила и зачастую снисходит до поездки мимо скромного моего обиталища в фаэ-тоне, запряженном пони.

– Была ль она представлена ко двору? Я не припоминаю ее имени среди придворных дам.

– К несчастью, посредственное ее здоровье не позволяет ей пребывать в городе, и тем самым, как однажды я сам сообщил леди Кэтрин, лишает британский двор блистательнейшего украшения. Ее светлости, похоже, сия идея пришлась по душе, а я, как вы понимаете, неизменно счастлив делать подобные тонкие комплименты, кои всегда желанны дамам. Я не раз замечал леди Кэтрин, что очаровательная дочь ее рождена стать герцогинею и что наивысочайший титул не ей придаст важности, но будет украшен ею. Такие мелочи по душе ее светлости, а подобное вниманье, считаю я, мне полагается выказывать в особенности.

– Сужденья ваши весьма подобающи, – заметил г-н Беннет, – и ваше счастье, что вы обладаете талантом льстить с деликатностью. Могу ли я осведомиться, происходят ли сии при-

ятные знаки вниманья из порыва минуты или же являют собою результат предшествующих изысканий?

– В основном они коренятся в событиях, происходящих в то самое мгновение, и хотя я порой развлекаю себя, сочиняя или подправляя подобные изящные комплименты, дабы оные подходили к повседневности, я всегда стремлюсь высказывать их с видом наиболее непринужденным.

Ожиданья г-на Беннета оправдались полностью. Кузен его оказался нелеп в той степени, на кою г-н Беннет рассчитывал, и последний слушал гостя с острейшим удовольствием, наружностью своею выражая притом крайнее хладнокровье и, если не считать редких взглядов на Элизабет, в партнере по веселью не нуждаясь.

К чаепитью, впрочем, доза угрожала превысить потребную, и г-н Беннет с радостью вновь сопровождал кузена в гостиную, а когда чаепитье завершилось, с радостью предложил ему почитать дамам вслух. Г-н Коллинз охотно согласился, и была доставлена книга; однако, узрев ее (ибо все подсказывало, что она происходит из общественной библиотеки), он отпрянул и взмолился о прощеньи, ибо никогда не читает романов. Китти вытаращилась на него, Лидия ахнула. Были доставлены другие книги, и, по некотором размышленьи, г-н Коллинз избрал «Проповеди» Фордайса⁸. Лидия изумленно распахнула рот, едва гость открыл том, и, не успел г-н Коллинз монотонно и торжественно зачесть три страницы, прервала его:

– А вы знаете, мамá, что дядюшка Филипс поговаривает об увольненьи Ричарда, а коли он Ричарда уволит, его наймет полковник Форстер. Тетушка мне сама сказала в субботу. Я завтра схожу в Меритон, узнаю подробности и спрошу, когда господин Денни возвращается из города.

Две старшие сестры зашикали на Лидию, однако разобиженный г-н Коллинз отложил книгу и молвил:

– Я нередко наблюдаю, сколь мало юные дамы интересуются книгами серьезного сорта, каковые написаны исключительно для блага оных дам. Признаюсь, сие изумляет меня, ибо, разумеется, для дам нет ничего благоприятнее наставлений. Впрочем, я не стану более досаждать юной моей племяннице.

Затем, повернувшись к г-ну Беннету, гость предложил партию в триктрак. Г-н Беннет принял вызов, отметив, что г-н Коллинз поступил очень мудро, оставив девушек наслаждаться их мелочными забавами. Г-жа Беннет и ее дочери крайне вежливо извинились за Лидию и пообещали, что подобное более не повторится, если гость продолжит чтение; однако г-н Коллинз, заверив их, что не таит обиды на двоюродную племянницу и вовсе не полагает ее поведение оскорбительным, вместе с г-ном Беннетом пересел за другой стол и изготовился к триктраку.

⁸ «Проповеди молодым женщинам» (1760) – двухтомный сборник проповедей шотландского священника д-ра Джеймса Фордайса (1720–1796), содержащий наставления женщинам относительно необходимости покоряться мужчинам и вести себя женственно.

Глава XV

Г-н Коллинз умом не отличался, и сей изъян его природы лишь слегка восполнен был образованием или же обществом; большую часть жизни г-н Коллинз провел под водительством невежественного и скардного отца и, хотя и посещал один из университетов, отучился лишь необходимые семестры, вовсе не заведя полезных знакомств. Покорство, в коем воспитал его отец, изначально одарило г-на Коллинза немалым смиреньем, каковому ныне всерьез противостояло самоменье недалекого человека, живущего в уединении, и самоуверенность человека, рано и неожиданно обретшего процветание. Счастливый случай рекомендовал его леди Кэтрин де Бёрг, когда пасторский дом в Хансфорде пустовал, и почтение, кое г-н Коллинз питал к ее титулу, его благоговенье пред покровительницей в сочетании с высочайшим мнением о себе самом, о своем пасторском авторитете и своем праве на десятину, составили в его характере смесь гордыни и подобострастия, чванства и смиренья.

Заполучив славное жилище и весьма удовлетворительный доход, г-н Коллинз намеревался жениться и, взыскав примиренья с семейством из Лонгборна, имел в виду жену, ибо собирался выбрать одну из дочерей, если они окажутся столь красивы и милы, как о сем твердила молва. Таково было его возмещение – искупление – наследования поместья их отца, и г-н Коллинз полагал свои замыслы блестящими, достойными и удачными, а кроме того, беспредельно щедрыми и бескорыстными с его стороны.

По личной встрече с девушками замыслы сии не претерпели изменений. Пленительное личико юной г-жи Беннет подтвердило намеренья г-на Коллинза и упрочило его строгие представления о привилегиях старшинства; таким образом, в первый вечер выбор его остановился на Джейн. Утро, однако, принесло перемены, ибо во время четвертьчасового tête-à-tête с г-жой Беннет перед завтраком, беседы, коя открылась его пасторским домом и естественным путем привела к озвучиванию пасторских надежд на то, что хозяйка дома сего обнаружится в Лонгборне, наряду с весьма обходительными улыбками и общим ободреньем исторгла из г-жи Беннет предостережение относительно той самой Джейн, кою г-н Коллинз выделял. Касательно младших дочерей она не возьмется утверждать... она не может ответить с уверенностью... Впрочем, не знает ни о каких питаемых ими склонностях... однако старшая дочь ее, должна г-жа Беннет отметить... она полагает своим долгом намекнуть... по всему вероятно, вскорости будет помолвлена.

Г-ну Коллинзу оставалось лишь переключиться с Джейн на Элизабет – и сие было осуществлено вскоре, пока г-жа Беннет ворошила огонь в камине. Разумеется, Элизабет заменила Джейн, ибо следовала за нею по рождению и красоте.

Г-жа Беннет лелеяла сей намек в душе и верила, что вскоре замуж выйдут две ее дочери; человек, о коем накануне она не находила в себе сил беседовать, ныне пребывал высоко ею ценим.

Намеренье Лидии прогуляться до Меритона не было забыто; все сестры, за исключением Мэри, согласились отправиться с нею, а г-ну Коллинзу надлежало их сопровождать по просьбе г-на Беннета, каковому не терпелось избавиться от гостя и получить библиотеку в единоличное пользование, ибо туда г-н Коллинз отбыл вслед за хозяином дома после завтрака и там оставался, формально углубившись в один из толстейших томов в книжном собрании, однако на самом деле почти безостановочно изливая на г-на Беннета повесть о своем доме и саде в Хансфорде. Такое поведение решительно вывело г-на Беннета из себя. В библиотеке он неизменно рассчитывал на свободу и безмятежность, и хотя готов был, как он сообщил Элизабет, столкнуться с глупостями и самоменьем в любом другом помещении дома, в библиотеке обыкновенно бывал от них избавлен; посему вежливость побудила его спешно предложить г-ну Кол-

линзу сопроводить племянниц на прогулке, а тот, будучи, по сути дела, более приспособлен к прогулкам, нежели к чтению, с величайшим наслаждением захлопнул книгу и двинулся в путь.

Время, кое миновало до прибытья собранья в Меритон, проведено было за напыщенными пустяками со стороны г-на Коллинза и вежливыми кивками его племянниц. По прибытии же вниманья младших он более не занимал. Взоры их тотчас зашныряли по улицам в поисках офицеров, и ничто, кроме разве только весьма элегантной шляпки или же поистине нового муслина в витрине, не могло вернуть их к обществу.

Однако вниманье всех дам вскоре привлечено было молодым человеком, прежде никогда ими не виденным и располагавшим весьма благородной наружностью, каковой гулял по ту сторону дороги в сопровождении офицера. Офицером был тот самый г-н Денни, относительно чьего возвращенья из Лондона Лидия пришла осведомиться, и, проходя, он поклонился дамам. Всех поразила внешность незнакомца, все раздумывали, кто бы это мог быть; Китти с Лидией, полные решимости сие по возможности разузнать, первыми направились через улицу, притворяясь, будто им что-то потребно в лавке на той стороне, и, к счастью, как раз ступили на тротуар, когда там же на обратном пути оказались два джентльмена. Г-н Денни обратился к дамам и испросил дозволения представить своего друга г-на Уикэма, вместе с ним прибывшего накануне из города и принявшего назначение в сей полк, о чем г-н Денни счастлив сообщить. Так сему быть и надлежало, ибо для несокрушимости очарованья молодому человеку не хватало только мундира. Обличье его было весьма благоприятным: он располагал красотой, замечательной статью, хорошей фигурой и весьма приятными манерами. За знакомством с его стороны последовала радостная готовность к беседе – притом готовность совершенно подобающая и скромная; вся группа стояла и весьма приятно беседовала, и тут на улице показались Дарси и Бингли верхами. Узнав дам, двое джентльменов приблизились и приступили к положенному обмену любезностями. Говорил главным образом Бингли, и обращался он главным образом к юной г-же Беннет. Он, сказал Бингли, как раз направлялся в Лонгборн, дабы справиться о ее здравии. Г-н Дарси подкрепил сей тезис кивком и уже начал было принимать решение не обращать взора своего на Элизабет, когда оный взор внезапно заморожен был виденьем чужака; по случайности Элизабет заметила, что г-н Уикэм и г-н Дарси воззрились друг на друга в глубочайшем изумленьи. Оба переменились в лице: один побелел, другой покраснел. Через пару мгновений г-н Уикэм коснулся цилиндра – приветствие, на кое г-н Дарси еле соблаговолил ответить. Что бы сие значило? Невозможно догадаться; невозможно не желать выяснить.

Еще через минуту г-н Бингли, очевидно не заметивший произошедшего, попрощался и вместе с другом ускакал.

Г-н Денни и г-н Уикэм проводили дам до дверей г-на Филиппа, а затем откланялись, невзирая на настойчивые мольбы г-жи Лидии зайти и невзирая даже на то, что г-жа Филипп распахнула окно гостиной и громко сие приглашенье поддержала.

Г-жа Филипп всегда рада была видеть племянниц, а двух старших, в последнее время отсутствовавших, приняла особенно радушно и изливала свое изумленье касательно их внезапного возвращенья домой, о коем, поскольку их отвезли не в их собственном экипаже, она бы и не узнала, не встретить на улице мальчика, что служит на посылках у г-на Джоунза, так тот ей сообщил, что они больше не отправляют микстур в Незерфилд, ибо сестры Беннет уехали; но тут ее любезность обращена была на г-на Коллинза, поскольку Джейн его представила. Г-жа Филипп приняла его наивежливейшим приветствием, на какое он отвечал чрезмерно, умоляя простить за то, что вторгся в дом, не будучи прежде знаком с хозяйкою, однако льстит себя надеждою, что сию оплошность возможно оправдать его родственными связями с юными дамами, кои обратили на него ее вниманье. Г-жа Филипп немало затрепетала пред лицом подобного избытка воспитанья, однако ее созерцанье одного чужака вскоре было прервано восклицаньями и вопросами касательно другого, о ком, однако, она могла сообщить племянницам лишь то, что им уже было известно, а именно: г-н Денни привез его из Лондона и

приезжий получит чин лейтенанта в ***ширском полку. Она, прибавила г-жа Филипс, наблюдала за ним последний час – он прогуливался туда-сюда по улице, и если б г-н Уикэм появился вновь, Китти и Лидия, безусловно, возобновили бы сей обычай, но увы, более никто не миновал окон, за исключением немногих офицеров, кои в сравнении с чужаком стали «скучными, неприятными субъектами». Некоторым из них предстояло обедать у Филипсов назавтра, и г-жа Филипс обещала попросить мужа о визите к г-ну Уикэму, дабы передать приглашение и ему, если семейство из Лонгборна вечером придет. О сем договорились, и г-жа Филипс объявила, что все славно и шумно сыграют в лотерею, а затем слегка перекусят горячим на ужин. Перспектива сих забав всех немало воодушевила, и гости расстались с хозяйкою в наиболее-шем расположении духа. Г-н Коллинз повторил свои извинения, выходя из комнаты, и с неколебимою вежливостью был заверен, что в таковых решительно нет надобности.

По дороге домой Элизабет поведала Джейн о том, что наблюдала меж двумя джентльменами, и хотя Джейн защищала бы каждого или обоих, если бы поведение их представлялось неправильным, она была в состоянии объяснить подобные манеры не более, чем ее сестра.

По возвращении г-н Коллинз немало угодил г-же Беннет, восхищаясь манерами и любезностью г-жи Филипс. Он заявил, что, за вычетом леди Кэтрин и ее дочери, никогда не видал столь изысканной дамы, ибо она не только приняла его с безмерной вежливостью, но даже подчеркнуто включила в свое приглашение на следующий вечер, хотя видела гостя впервые в жизни. Отчасти сие, полагал г-н Коллинз, следует отнести на счет его родственной связи с дамами, и тем не менее он за всю жизнь свою ни единожды с подобным вниманием не стал-кивался.

Глава XVI

Поскольку никаких возражений против отбытья молодежи к тетушке не поступило, а все угрызенья гостя относительно разлуки с четою Беннет хоть на единый вечер в протяженьи его визита были решительно отменены, экипаж к положенному часу доставил г-на Коллинза и пять его племянниц в Меритон; входя в гостиную, девушки имели удовольствие услышать, что г-н Уикэм принял приглашенье их дядюшки и уже находится в доме.

Когда сии сведенья были оглашены и все расселись, г-н Коллинз смог обстоятельным манером оглядеться и полюбоваться гостиною; размеры и обстановка поразили его чрезвычайно, и он объявил хозяйке, что почти было решил, будто оказался в малой летней утренней столовой Розингса, – сравненье, кое поначалу особой радости не вызвало; впрочем, едва постигнув, что такое Розингс и кто его владелица, выслушав описание всего одной гостиной леди Кэтрин и узнав, что лишь каминная доска там стоила восемьсот фунтов, г-жа Филипс ощутила всю мощь комплимента и вряд ли обиделась бы на сравненье с комнатою экономки.

Описывая г-же Филипс величье леди Кэтрин и ее особняка, порою отвлекаясь на хвалы собственному скромному обиталищу и усовершенствованьям, кои оно обиталище претерпевало, г-н Коллинз был удовлетворительно занят до появления джентльменов; в г-же Филипс он обнаружил весьма внимательную слушательницу – ее мнение о его влиятельности после всего услышанного возросло, и она намеревалась пересказать все услышанное соседям при первой же возможности. Девушкам же, кои не в силах были слушать двоюродного дядю и не нашли иного занятия, кроме сожалений об отсутствии фортепьяно и изученья собственноручно расписанных посредственных копий фарфора на каминной полке, ожиданье помстилось очень долгим. В конце концов оно, однако, завершилось. Джентльмены появились, и когда в гостиную вошел г-н Уикэм, Элизабет почудилось, будто она не разглядела его прежде и не думала о нем с тех пор, что сопровождалось крошечной долей неразумного восхищенья. Офицеры ***ширского полка вообще были весьма достойны и благородны, а лучшие из них присутствовали ныне в гостиной, однако г-н Уикэм настолько же затмевал их обликом своим, статью, манерами и походкою, насколько все *они* превосходили широколицего, плотного, дышащего парами портвейна дядюшку Филиппа, кой следом за ними вступал в комнату.

Г-н Уикэм был из тех счастливых, к которым устремляются почти все женские взоры, а Элизабет стала счастливицей, подле которой он в конце концов сел, и приятная манера, с коей он тотчас погрузился в беседу, хотя последняя касалась лишь дождливого вечера и вероятности сыкатного сезона, убедила Элизабет в том, что простейшая, скучнейшая, банальнейшая тема способна обернуться интересной мановеньем умелого оратора.

С появлением таких соперников за вниманье прекрасного пола, как г-н Уикэм и офицеры, г-н Коллинз рисковал раствориться в ничтожности – молодым дамам он, разумеется, представлялся пустым местом; время от времени он, впрочем, находил снисходительную слушательницу в лице г-жи Филипс и, благодаря ее бдительности, пребывал весьма обильно снабжаем кексами и кофе.

Когда поставили карточные столы, г-н Коллинз получил возможность отплатить хозяйке дома за доброту, сев играть в вист.

– В настоящий момент я мало разумею в сей игре, – изрек он, – однако с наслажденьем разовью свои навыки, ибо в моем положеньи... – Г-жа Филипс была весьма признательна ему за покладистость, однако изложенья резонов его дожидаться не стала.

Г-н Уикэм в вист не играл, а потому охотно и восторженно был принят за другим столом меж Элизабет и Лидией. Поначалу существовала опасность, что Лидия захватит его целиком, ибо последняя была стойкою говоруньей, однако, питая равную склонность к лотерее, она вскоре чересчур заинтересовалась игрою, чересчур увлеклась ставками и ахами после выигры-

шей и особо ничему более вниманья не уделяла. Стало быть, с поправкою на правила игры г-н Уикэм был волен беседовать с Элизабет, коя жаждала выслушать его, хотя на то, что она главным образом желала услышать, – историю его знакомства с г-ном Дарси, – надежд не питала. Элизабет не смела и помянуть сего джентльмена. Любопытство ее, впрочем, неожиданно было утолено. Г-н Уикэм сам завел сей разговор. Он спросил, далеко ли от Меритона расположен Незерфилд, и, выслушав ответ и помявшись, осведомился, давно ли там пребывает г-н Дарси.

– С месяц, – отвечала Элизабет и затем, не желая менять тему, прибавила: – Насколько я поняла, у него в Дербишире очень крупные владенья.

– Да, – отвечал Уикэм, – его дербиширское именье весьма роскошно. Чистых десять тысяч в год. Вряд ли вы могли встретить человека, более способного поведать вам некие сведения о сем лице, нежели к тому способен я, – ибо с младенчества я был неким манером связан с этим семейством.

Элизабет не сдержала удивленья.

– Вы, госпожа Беннет, вполне можете удивляться подобному заявлению, увидев холодность нашей вчерашней встречи. Близко ли вы знакомы с господином Дарси?

– Ближе не желала бы, – с жаром отвечала Элизабет. – Я четыре дня провела с ним в одном доме и полагаю, что господин сей весьма неприятен.

– Я не вправе высказывать *свое* мнение, – молвил Уикэм, – приятен ли он или же напротив. Мне подобное мнение иметь не пристало. Я слишком давно его знаю, чтобы судить справедливо. Я к беспристрастности не способен. Но, мнится мне, ваше мнение о нем всех потрясет – и, возможно, вам не стоит выражать его столь подчеркнуто где бы то ни было еще. Здесь вы в семейном кругу.

– Поверьте, *здесь* я говорю не более, нежели могу сказать в любом доме в округе, за исключением Незерфилда. В Хартфордшире к нему отнюдь не питают симпатий. Его гордость всем отвратительна. Никто не выскажется о нем благосклоннее.

– Не могу притвориться, будто сожалею, – сказал Уикэм после краткой паузы, – что он или же любая другая персона не ценимы выше их достоинств, однако, полагаю, с *ним* такое происходит нечасто. Все ослеплены его состояньем и положением или же запуганы его высокомерьем и внушительностью и видят его тем, кем он предпочитает им являться.

– Даже при *моем* незначительном знакомстве с ним я почитаю его человеком с дурным нравом.

Уикэм лишь покачал головою.

– Любопытно, – молвил он, когда им представилась возможность продолжить беседу, – долго ли он еще пробудет в Хартфордшире.

– Сего я не знаю; впрочем, в Незерфилде я ничего не слышала касательно его отъезда. Надеюсь, на ваши планы относительно *****ширского полка присутствие господина Дарси не повлияет.

– О нет – уж *я-то* от господина Дарси не побегу. Если *он* желает избежать встреч со *мною*, пускай сам и уезжает. Мы с ним не дружны, встречи с ним для меня тяжки, но я избегать *его* не имею резонов, кроме тех, кои готов объявить на весь мир: обида на дурное обращение и весьма болезненные сожаленья о том, что он таков, каков есть. Его отец, госпожа Беннет, покойный господин Дарси, был одним из лучших людей, какие только жили на земле, и вернейшим моим другом, а посему в обществе господина Дарси душа моя неизбежно омрачается тысячей трогательных воспоминаний. Со мною он повел себя постыдно, но, я уверен, я мог бы простить ему что угодно и все на свете, если б он не обманул надежд и не опозорил памяти своего отца.

Интерес Элизабет к сему предмету разгорался, слушала она самозабвенно, однако деликатность темы не позволяла задавать вопросов.

Г-н Уикэм заговорил на общие темы – о Меритоне, об окрестностях и обществе; очевидно, он был немало доволен всем, что успел увидеть, и про общество говорил особо, с тонкой, однако весьма отчетливой галантностью.

– Постоянное общество – достойное общество, – прибавил он, – главным образом и побудило меня вступить в ***ширский полк. Я знал, что он крайне почтенен и приятен, а друг мой Денни усугубил соблазн, поведав мне о нынешнем его квартирновании, а равно о величайшем внимании и замечательных знакомствах, кои дарит офицерам Меритон. Общество мне потребно, я сие признаю. Я пережил разочарование, душа моя не вынесет одиночества. Занятие и общество *необходимы* мне. Я не создан для жизни военного, однако обстоятельства сделали таковую приемлемой. Моей профессией *должна* была стать церковь – я был воспитан для церкви и ныне располагал бы весьма богатым приходом, если б сие устраивало джентльмена, о котором мы только что говорили.

– В самом деле!

– Да, покойный господин Дарси завещал мне в дар лучший приход. Он был моим крестным отцом и сильно ко мне привязан. Я не способен в полной мере отдать должное его доброте. Он желал щедро меня обеспечить и полагал, будто ему сие удалось, но когда пасторский дом освободился, его отдали другому.

– Господи боже! – вскричала Элизабет. – Но как сие возможно? Как можно было пренебречь его завещанием? Почему вы не потребовали сатисфакции в суде?

– Его последняя воля была столь неформальна, что мне не приходилось надеяться на закон. Человек чести не усомнился бы в сути завещания, однако господин Дарси предпочел усомниться – или же прочесть сие как условную рекомендацию и заявить, что я лишился права на любые притязания по причине моего сумасбродства, безрассудства, короче говоря, чего угодно или вообще ничего. Достоверно же известно, что приход освободился два года назад, как раз когда я достиг подходящего возраста, и приход сей отдали другому; не менее достоверно известно, что я не могу признать, будто совершил нечто такое, чем сие заслужил. Темперамент мой горяч и несдержан; вероятно, я порою чересчур свободно высказывал *ему* свое мнение *о нем*. Ничего преступнее я не припоминаю. Но суть в том, что мы очень разные люди и он ненавидит меня.

– Как это возмутительно! Он заслуживает публичного порицания.

– Рано или поздно он сие получит – однако не от *меня*. Пока я не забуду его отца, я не смогу противостоять *ему* или же его разоблачать.

Элизабет похвалила его за подобные соображения и про себя отметила, что, описывая оные, он был на редкость красив.

– Но каковы, – молвила она после паузы, – могли быть его резоны? Что заставило его поступить столь жестоко?

– Полная, решительная антипатия ко мне – антипатия, кою я поневоле вынужден отчасти приписать ревности. Если бы покойный господин Дарси меньше меня любил, его сын относился бы ко мне терпимее, однако необычайная привязанность ко мне его отца, полагаю, с ранних лет раздражала сына. Он, с его темпераментом, не сносил такого соперничества – предпочтения, кое зачастую оказывалось мне.

– Я и не думала, что господин Дарси столь дурен – мне он никогда не нравился, однако я думала о нем не очень худо; мне казалось, он презирает людей вообще, однако я не подозревала, что он опустил до такой злонамеренной мести, такой несправедности, такой бесчеловечности! – Несколько минут поразмыслив, она прибавила: – Правда, я *помню*, как в Незерфилде он однажды хвастался непоколебимостью своих обид и своей неспособностью прощать. Как ужасен, должно быть, его характер.

– Я не доверяю своему мнению на сей счет, – отвечал Уикэм. – Я вряд ли способен быть к нему справедливым.

Элизабет вновь погрузилась в размышления и через некоторое время воскликнула:

– Таким манером обойтись с крестником, другом, любимцем своего отца! – Она могла бы прибавить: «И к тому же с молодым человеком, подобным *вам*, чья самая наружность ручается за вашу приятность», – но ограничилась лишь: – И к тому же с тем, кто, по видимости, с детских лет был ему другом, связан с ним, если я правильно вас поняла, тесными узами!

– Мы родились в одном приходе, в одном парке, большую часть юности провели вместе; обитали в одном доме, участвовали в одних забавах, вместе воспитывались. Мой отец поначалу занимался ремеслом, коему, насколько я постигаю, оказывает такую честь ваш дядя господин Филипс, но все бросил, дабы споспешествовать покойному господину Дарси, и все время свое посвятил заботам о Пемберли. Он высоко ценился господином Дарси – был его ближайшим, доверенным другом. Господин Дарси часто признавал, что в величайшем долгу пред моим отцом за его деятельное управление поместьем, и, перед смертью моего отца по доброй воле пообещав обеспечить мое благосостояние, я уверен, господин Дарси поступил так не менее из благодарности к *нему*, нежели из привязанности ко мне.

– Как это странно! – вскричала Элизабет. – Как ужасно! Поразительно, что самая гордость господина Дарси не заставила его поступить с вами по справедливости. Даже не имея иных резонов, он из гордости должен был воздержаться от непорядочности – а сие я зову непорядочностью.

– И *впрямь* удивительно, – отвечал Уикэм, – ибо почти все его деяния коренятся в гордости, и гордость нередко была его задушевым другом. Она сближала его с добродетелью более, нежели любое иное чувство. Однако все мы непоследовательны, а в его обращении со мною имелись резоны посильнее даже гордости.

– Неужто столь ужасная гордыня бывала ко благу?

– Да. Нередко она понуждала его к великодушию и щедрости – раздавать деньги, являть гостеприимство, помогать арендаторам, облегчать судьбу бедняков. Сие свершала семейная гордость, а равно гордость *сыновья* – ибо отцом он очень гордится. Не опозорить семью, не ударить в грязь лицом, не замарать имени Пемберли – могущественные резоны. Он также питает *братскую* гордость, коя, в сочетании с *некоей* братской любовью, превращает его в крайне доброго и внимательного опекуна сестры, и вы не раз услышите, что его превозносят как наизаботливейшего и лучшего из братьев.

– А юная госпожа Дарси – какова она?

Он покачал головою:

– Я был бы рад сказать, что она мила. Мне больно говорить дурно о любом Дарси. Но она слишком похожа на брата – очень, очень горда. В детстве она была нежна и очаровательна, очень ко мне привязана, многие часы я посвящал ее забавам. Но теперь она для меня ничто. Она красивая девушка, лет пятнадцати или шестнадцати, и, насколько я понимаю, весьма образованна. После смерти отца она поселилась в Лондоне, где с нею живет некая дама, руководящая ее обучением.

После обильных пауз и обильных попыток сменить предмет обсуждения Элизабет невольно вернулась к теме:

– Я поражена его близостью с господином Бингли! Как может господин Бингли, воплощенная сердечность, поистине милый человек, дружить с подобным джентльменом? Как они умудряются ладить? Вы знакомы с господином Бингли?

– Ни в малейшей степени.

– У него славный характер, он обаятельный, очаровательный человек. Не может быть, чтоб он знал, каков господин Дарси.

– Может, и не знает – но господин Дарси умеет угождать, если того желает. Он не лишен способностей. Он бывает прекрасным собеседником, если полагает, что сие того стоит. Среди равных себе он совершенно иной, нежели с теми, кто менее преуспевает. Гордость никогда не

оставляет его, но с богатыми он отзывчив, справедлив, искренен, разумен, достоин и, вероятно, приятствен – если учесть также состояние и обличье.

Партия в вист вскоре распалась, игроки собрались за другим столом, и г-н Коллинз воссел меж племянницей Элизабет и г-жою Филипс. Последняя, разумеется, осведомилась о его успехах. Успехи оказались невелики – г-н Коллинз проигрывал всякую партию, но, когда г-жа Филипс забеспокоилась в этой связи, гость уверил ее торжественно и весомо, что сие ни в малейшей степени не важно, что деньги он полагает сущим пустяком и умоляет ее не переживать.

– Я достоверно знаю, сударыня, – молвил он, – что, садясь за карточный стол, человек понуждаем рискнуть подобным манером, а я, по счастью, пребываю не в тех обстоятельствах, чтобы страдать из-за пяти шиллингов. Несомненно, этим не могут похвастаться многие, однако, благодаря леди Кэтрин де Бёрг, я вовсе избавлен от необходимости помышлять о таких мелочах.

Сие привлекло вниманье г-на Уикэма, и он, с минуту поглядев на г-на Коллинза, шепотом поинтересовался у Элизабет, близко ли знаком ее родственник с семейством де Бёрг.

– Леди Кэтрин де Бёрг, – отвечала та, – совсем недавно выделила ему приход. Я толком не знаю, как господин Коллинз был ей представлен, но он совершенно точно не давний ее знакомец.

– Вы, разумеется, знаете, что леди Кэтрин де Бёрг – сестра леди Энн Дарси; то есть леди Кэтрин нынешнему господину Дарси приходится теткой.

– Нет, вообще-то я не знала. Я вовсе ничего не знаю о родственниках леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я не слыхала даже о ее существовании.

– Ее дочь, юная госпожа де Бёрг, получит огромное наследство, и считается, что она и ее двоюродный брат объединят два состоянья.

Услышав сие, Элизабет улыбнулась, подумав о бедняжке юной госпоже Бингли. Сколь тщетны, стало быть, ее знаки вниманья, тщетна и бесполезна привязанность к его сестре и хвалы ему, раз он уже предназначил себя другой.

– Господин Коллинз, – сказала она, – очень высоко отзывается о леди Кэтрин и ее дочери, но по некоторым деталям, кои он сообщил о ее светлости, я заподозрила, что благодарность ослепляет его и, невзирая на покровительство ему, она дама заносчивая и самодовольная.

– По-моему, она и то и другое в величайшей степени, – отвечал Уикэм. – Я не видел ее много лет, однако ясно помню, что никогда ее не любил и вела она себя деспотично и надменно. Она считается женщиной здравости и ума замечательных, однако я подозреваю, что сими качествами она отчасти обязана титулу и состоянью, отчасти властным манерам, а в остальном – гордыне племянника, коему предпочтительно, чтобы все его родственники обладали перво-сортным умом.

Элизабет согласилась, что его оценка весьма разумна, и, ко взаимному удовлетворенью, они продолжали беседовать, пока ужин не положил конец карточным играм и не даровал прочим дамам долю вниманья г-на Уикэма. В гомоне ужина г-жи Филипс беседа оказалась невозможна, однако манеры г-на Уикэма понравились всем. Что бы ни говорил он, звучало удачно; что бы ни делал, выглядело изысканно. По пути домой мысли Элизабет наполнились им одним. Всю дорогу она размышляла только о г-не Уикэме и о том, что он ей поведал, однако ей не хватило времени даже помянуть его имя, ибо ни Лидия, ни г-н Коллинз не закрывали ртов. Лидия беспрестанно болтала про лотерею, про фишки проигранные и фишки выигранные, а г-н Коллинз, описывая вежливость четы Филипсов, твердил, что ни в малейшей степени не сожалеет о своих проигрышах в вист, то и дело опасался, будто толкает племянниц, и имел столько всего сообщить, что не справился и до прибытья кареты в Лонгборн.

Глава XVII

Назавтра Элизабет поведала Джейн обо всем, что имело место меж нею и г-ном Уикэмом. Джейн выслушала изумленно и озабоченно – она не знала, как и поверить, что г-н Дарси столь недостойн расположения г-на Бингли, однако натура не позволяла ей усомниться в правдивости молодого человека столь приятной наружности, какою обладал Уикэм. Одно предположенья о том, что он воистину пострадал от подобного бессердечия, хватило, чтобы пробудить ее сочувствие, и, стало быть, ей пришлось хорошо думать о них обоих, защищать поведение каждого и допустить случайность или же ошибку, если события никак иначе объяснить нельзя.

– Я думаю, – сказала она, – оба они обмануты тем или иным манером, о коем мы не можем составить понятия. Возможно, заинтересованные люди неверно представляют их друг другу. Говоря кратко, причины или же обстоятельства, кои заставили их друг к другу охладеть, нам невозможно угадать, не обвинив одну из сторон.

– Ты поистине права – а теперь, милая моя Джейн, что ты скажешь в защиту заинтересованных людей, кои, возможно, в сем деле замешаны? Оправдай также *их*, или мы вынуждены будем хоть о ком-нибудь дурно подумать.

– Смейся сколько угодно, меня ты не разубедишь. Милая моя Лиззи, ты вдумайся, в сколь позорном свете сие выставляет господина Дарси – подобным манером обращаться с отцовским любимцем, с тем, чье благополучье отец поклялся обеспечить. Сие невероятно. Ни одна человеческая душа, ни одна персона, коя ценит свою репутацию, на такое не способна. Разве могут ближайšie его друзья так в нем ошибаться? Ну конечно нет!

– Мне гораздо легче поверить, что господин Бингли обманут, нежели что господин Уикэм сочинит о себе историю, подобную той, кою он изложил мне вчера вечером, – имена, события, все помянуто запросто. Если это неправда, пускай господин Дарси ее опровергнет. Кроме того, в лице его читалась правдивость.

– Сие в самом деле трудно – какое расстройство. Прямо не знаешь, что подумать.

– Прошу прощения – что подумать, знаешь с точностью.

Но Джейн способна была определенно думать лишь об одном – что господин Бингли, если он *действительно* обманут, будет сильно страдать, когда сие дело выплывет.

Сестры были призваны из леска, где происходила сия беседа, в дом, поскольку в Лонгборн прибыли некоторые из тех персон, о коих только что шла речь. Г-н Бингли и его сестры приехали, дабы лично передать приглашенья на давно предвкушаемый бал в Незерфилде, назначенный на ближайший вторник. Две дамы были счастливы вновь увидеться с дорогой подругою, заявили, что не видали ее целую вечность, и не раз осведомились, чем та занималась, пребывая с ними в разлуке. Остальному семейству дамы почти не уделили вниманья: по возможности избегали г-жи Беннет, с Элизабет почти не разговаривали, а со всеми прочими не разговаривали вовсе. Вскоре они отбыли – вскочили с кресел, явив прыть, немало удивившую их брата, и устремились прочь, словно желая избегнуть любезностей г-жи Беннет.

Ожиданье бала в Незерфилде было крайне приятно всякой даме в семействе. Г-жа Беннет предпочитала считать, что бал дается в честь ее старшей дочери; особенно ей льстило получить не чопорную карточку, но приглашение от г-на Бингли лично. Джейн предвкушала, как проведет счастливый вечер в обществе двух подруг, окруженная знаками вниманья их брата, а Элизабет с удовольствием думала о множестве танцев с г-ном Уикэмом и о подтвержденьи всего во взглядах и поведеньи г-на Дарси. Счастье, предчувствуемое Кэтрин и Лидией, менее зависело от конкретных событий или же конкретной персоны, ибо хотя обе они, подобно Элизабет, собирались полвечера протанцовать с г-ном Уикэмом, он отнюдь не был единственным партнером, способным их осчастливить, и к тому же бал, в конце концов, есть бал. Даже Мэри заверила семейство, что отнюдь не возражает присоединиться.

– Мне вполне достаточно, – молвила она, – если я могу распоряжаться утрами. Мне вовсе не представляется жертвою время от времени участвовать в вечерних развлечениях. Общество налагает обязательства на всякого из нас, и я заявляю, что я одна из тех, кто почитает для всех благотворным порою отдыхать и развлекаться.

По случаю бала Элизабет пребывала в столь жизнерадостном расположении духа, что, хотя нечасто беседовала с г-ном Коллинзом, если к сему не понуждала необходимость, все-таки осведомилась у него, намерен ли он принять приглашение г-на Бингли, а если да, полагает ли он подобающим участвовать в вечерних забавах; она была немало удивлена, узнав, что никакие угрызенья г-на Коллинза не терзают и он вовсе не страшится попреков архиепископа или же леди Кэтрин де Бёрг за то, что рискнул потанцевать.

– Уверяю вас, я совершенно не придерживаюсь мнения, – изрек он, – будто подобный бал, данный молодым человеком прекрасной репутации для уважаемых людей, может склонить ко злу; и я до того далек от возражений против танцев, что надеюсь иметь честь за вечер протанцевать со всеми моими племянницами; я пользуюсь сей возможностью, дабы особо просить вас, госпожа Элизабет, на первые два танца – предпочтенье, кое, надеюсь, моя племянница Джейн не истолкует превратно и не припишет неуважению к ней.

Элизабет была загнана в угол. Она со всей решимостью намеревалась сии два танца пробыть с Уикэмом – и взамен получить г-на Коллинза! Жизнерадостность ее избрала на редкость неудачную минуту. Однако делать было нечего. Счастье г-на Уикэма и ее собственное по необходимости несколько отдалилось, а предложение г-на Коллинза было принято с изяществом, на кое только Элизабет смогла себя подвигнуть. Она подозревала, что галантность его намекает на нечто большее, и сия мысль отнюдь не утешала. Ныне Элизабет впервые пришло в голову, что среди сестер она избрана достойной обратиться в хозяйку Хансфорда и составлять партию в три семерки в Розингсе за отсутствием более пригодных к сему гостей. Подозренье обратилось в убежденность, когда Элизабет стала замечать его растущую любезность и слышать, как он то и дело пытается отвесить комплимент ее остроумью и живости, и воздействие собственного очарования скорее изумляло ее, нежели радовало; а вскоре г-жа Беннет дала понять, что *ей* возможность подобного брака весьма приятна. Элизабет, впрочем, предпочла не распознать намека, вполне сознавая, что любой ответ повлечет за собою серьезный диспут. Быть может, г-н Коллинз никогда не сделает предложения, а пока он предложения не сделал, без толку из-за него ссориться.

Не будь бала в Незерфилде, кой занимал руки и языки, младшие сестры Беннет пребывали бы в жалком положении, ибо со дня приглашения до самого бала зарядил дождь, ни единожды не позволивший им прогуляться в Меритон. Ни тетушки, ни офицеров, ни сплетен; самые розочки на туфли пришлось заказывать с доставкой. Даже терпенье Элизабет было несколько истощено погодою, коя совершенно заморозила развитие ее знакомства с г-ном Уикэмом, и лишь танцы во вторник, не меньше, способны были помочь Китти и Лидии стерпеть подобные пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава XVIII

Пока Элизабет не вступила в гостиную Незерфилда и среди алых мундиров тщетно не искала глазами г-на Уикэма, сомнение в его присутствии ни разу не посещало ее. Уверенности во встрече с ним не охладило ни единое воспоминание из тех, что могли бы встревожить довольно резонно. Элизабет нарядилась тщательнее обыкновенного и воодушевленно готовилась завоевывать все, что осталось непокоренного в его сердце, полагая, что задача сия вряд ли займет более одного вечера. Но тотчас ее посетило чудовищное подозрение, что, приглашая офицеров, Бингли нарочно обошли Уикэма ради удовольствия Дарси, и, хотя положение оказалось несколько иным, непреложный факт его отсутствия был возведен г-ном Денни, к каковому пылко обратилась Лидия и каковой сообщил дамам, что накануне Уикэм отбыл в город по делам и еще не вернулся, – и прибавил с понимающей улыбкою:

– Полагаю, дела вряд ли вызвали бы его прочь отсюда именно теперь, если б он не желал избежать встречи с неким джентльменом.

Сии сведения, не услышанные Лидией, уловила Элизабет, и поскольку они убедили ее в том, что Дарси не менее виновен в отсутствии Уикэма, нежели если бы ее первое предположение оказалось верно, неприязнь к Дарси так обострилась мгновенным разочарованием, что Элизабет еле нашла в себе силы со сносной любезностью ответить на вежливые вопросы, задать кои он тут же подошел сам. Внимание, снисходительность, терпимость к Дарси оскорбляли Уикэма. Элизабет полна была решимости избежать любой беседы с Дарси и отвернулась с обидою, кою не вполне подавила, даже беседуя с г-ном Бингли, чья слепая пристрастность подначивала ее.

Однако Элизабет не создана была для обид, и хотя все ее надежды на вечер были уничтожены, сие не могло надолго омрачить ее духа; изложив свои горести Шарлотте Лукас, с кою не виделась неделю, Элизабет вскоре смогла отвлечься на причуды двоюродного дяди и углубиться в созерцание оною. Первые два танца, впрочем, вновь повергли ее в расстройство – то были танцы унижения. Г-н Коллинз, неловкий и чопорный, сосредоточение заменявший извинениями и зачастую, сам того не замечая, двигавшийся неверно, одарил ее всем стыдом и страданием, какие только может подарить неприятный партнер на протяжении двух танцев. В минуту освобождения от него Элизабет пережила экстаз.

Дальше она танцевала с офицером и отдохнула, беседуя о Уикэме и слушая, как все поголовно его любят. Когда сии танцы завершились, она вернулась к Шарлотте Лукас и углубилась в беседу с нею; внезапно к Элизабет обратился г-н Дарси, кой до того застал ее врасплох приглашением на танец, что она, не соображая, что делает, согласилась. Он тотчас удалился, а она осталась недоумевать, где был ее разум; Шарлотта пыталась ее утешить:

– Я думаю, он покажется тебе очень приятным.

– Боже упаси! Сие величайшее несчастье! Счесть приятным человека, коего намереваться ненавидеть. Не желай мне подобного зла.

Когда танцы возобновились и Дарси приблизился, дабы увести Элизабет, Шарлотта не сдержалась и шепотом посоветовала той не глупить и не позволить ее расположению к Уикэму испортить впечатление от нее персоны, коя вдесятеро Уикэма влиятельнее. Элизабет не отвечала и заняла свое место, изумляясь тому, что удостоилась такой чести – стоять против г-на Дарси, и в глазах соседней, зрящих сие, читая равное изумление. Некоторое время они простояли безмолвно; Элизабет заключила, что сие молчание продлится два танца, и поначалу не желала его прерывать, но затем внезапно решила, что понуждение партнера к разговору накажет его безжалостнее, и отпустила пустое замечание относительно танца. Дарси ответил, и они вновь погрузились в молчание. Не одну минуту помолчав, Элизабет обратилась к нему с:

– Теперь *ваша* очередь что-нибудь сказать, господин Дарси, – я говорила о танце, а *вы* должны высказаться относительно размеров комнаты или количества пар.

Он улыбнулся и заверил ее, что будет сказано все, чего бы она ни пожелала.

– Очень хорошо. Такой ответ пока сойдет. Пожалуй, вскоре я могу отметить, что частные балы гораздо приятнее публичных. Но *теперь* мы можем помолчать.

– Стало быть, вы разговариваете за танцами, ибо так полагается?

– Иногда. Человек, изволите ли видеть, должен немного поговорить. Дуэтом безмолвствовать полчаса будет странно, однако же ради *некоторых* беседу следует обустроить так, чтобы на их долю выпадало возможно меньше затрудняться говореньем.

– В данном случае вы потакаете собственным чувствам или имеете в виду потворствовать моим?

– И то и другое, – лукаво отвечала Элизабет, – ибо я зрю великое сходство наших нравов. Оба мы необщительны, молчаливы и не желаем раскрывать рта, если не помышляем произнести такое, что потрясет все собрание и будет передаваться из поколения в поколение со всем блеском пословицы.

– Сие, должен заметить, не вполне точно описывает ваш характер, – молвил он. – Сколь доподлинно описан *мой*, не могу и предположить. Несомненно, *вы* считаете, будто изобразили достоверный портрет.

– Мне ли судить о собственных достижениях?

Он не ответил, и они молчали, пока, пройдя в танце меж прочих пар, он не спросил, часто ли она и ее сестры бывают в Меритоне. Элизабет сие подтвердила и, не в силах противостоять соблазну, прибавила:

– Когда мы с вами встретились там, у нас как раз завязалось новое знакомство.

Сие подействовало мгновенно. Заносчивость обволокла черты его еще плотнее, однако он не ответил, а Элизабет, кляня себя за слабость, не смогла продолжить. В конце концов Дарси заговорил – весьма натянуто произнес:

– Господин Уикэм благословен замечательными манерами, кои обеспечивают ему *обретенье* друзей; менее бесспорно, окажется ли он равно способен сих друзей *сохранить*.

– Он имел несчастье лишиться *вашей* дружбы, – с нажимом отвечала Элизабет, – и к тому же манером, от коего он, по вероятию, будет всю жизнь страдать.

Дарси не отвечал и явно желал сменить тему. В сей миг подле них возник сэр Уильям Лукас, пробиравшийся по комнате меж танцоров; узрев г-на Дарси, сэр Уильям остановился и со снисходительной учтивостью отвесил поклон, выражая восхищенье танцевальными умениями своего визави и его партнершей.

– Я получил высочайшее наслажденье, милостивый мой государь. Редко увидишь столь великолепного танцора. Сразу видно, что вы принадлежите к высшим кругам. Позвольте, впрочем, заметить, что ваша прекрасная партнерша нисколько вас не компрометирует, и мне следует надеяться, что сие удовольствие повторится еще не раз, в особенности когда произойдет некое желанное событие, дорогая моя госпожа Элайза, – косясь на ее сестру и господина Бингли. – Ах, сколько будет поздравлений! Сим взываю к господину Дарси... но не позволяйте мне вас прерывать, сударь. Вы не поблагодарите меня за то, что отсрочиваю вашу чарующую беседу с сей юной дамою, чьи ясные глаза тоже укоряют меня.

Финал сей тирады едва ли был услышан его собеседником, но упоминанье сэра Уильяма о Бингли воздействовало мощно, и весьма серьезный взор г-на Дарси устремился на его друга и Джейн. Вскоре, однако, придя в себя, он обернулся к своей партнерше и молвил:

– Вмешательство сэра Уильяма вынудило меня позабыть, о чем мы беседовали.

– По-моему, мы вовсе не беседовали. Вряд ли сэру Уильяму могла бы попасться пара, коей менее нашего было бы что сказать. Мы уже безуспешно опробовали две или три темы, и о чем станем говорить дальше, я не имею представленья.

– Что думаете вы о книгах? – с улыбкою спросил он.

– Книги – о нет! Я совершенно уверена, что мы не читаем одно и то же – или же со сходными чувствами.

– Мне жаль, что вы так думаете; но в сем случае нам не нужно более искать тему. Мы можем сравнить наши мнения.

– Нет, я не могу беседовать о книгах в бальной зале – голова моя всегда полна иного.

– В подобной обстановке вас всегда занимает *сиюминутное*, правда? – спросил он, с сомнением воззрившись на нее.

– Да, всегда, – отвечала она, сама не сознавая, что говорит, ибо мысли ее улетели прочь, что вскоре было явлено внезапной ее репликою: – Я помню, однажды вы сказали, господин Дарси, что редко прощаете и обида ваша, едва возникнув, становится неутолимой. Вы, полагаю, крайне осмотрительны при ее *возникновении*.

– Да, – твердо отвечал он.

– И никогда не допускаете, чтобы предубеждение ослепило вас?

– Надеюсь, нет.

– Тем, кто никогда не меняет мнения, особо надлежит судить как должно с самого начала.

– Могу ли я спросить, к чему сии вопросы?

– Всего лишь к иллюстрации *вашего* характера, – отвечала она, пытаясь стряхнуть серьезность. – Я стараюсь в нем разобраться.

– И преуспели?

Она покачала головою:

– Я вовсе его не постигаю. Я слышу столь разные отзывы о вас, и они беспредельно меня озадачивают.

– Я охотно верю, – серьезно ответил он, – что отзывы обо мне могут быть весьма разнообразны, и я бы желал, госпожа Беннет, чтобы вы не писали эскиза моего характера прямо сейчас, ибо имеются резоны предположить, что достижения ваши не отдадут должного нам обоим.

– Но если я не сделаю наброска ныне, мне может не представиться иной возможности.

– Я ни в коем случае не отсрочу любого вашего удовольствия, – холодно отвечал он. Элизабет ничего более не сказала; они протанцовали следующий танец и расстались в молчании, оба недовольные, хотя и не в равной степени, ибо чувство в груди Дарси уже пристойно разгорелось, а посему даровало Элизабет прощенье и весь гнев направило на другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.